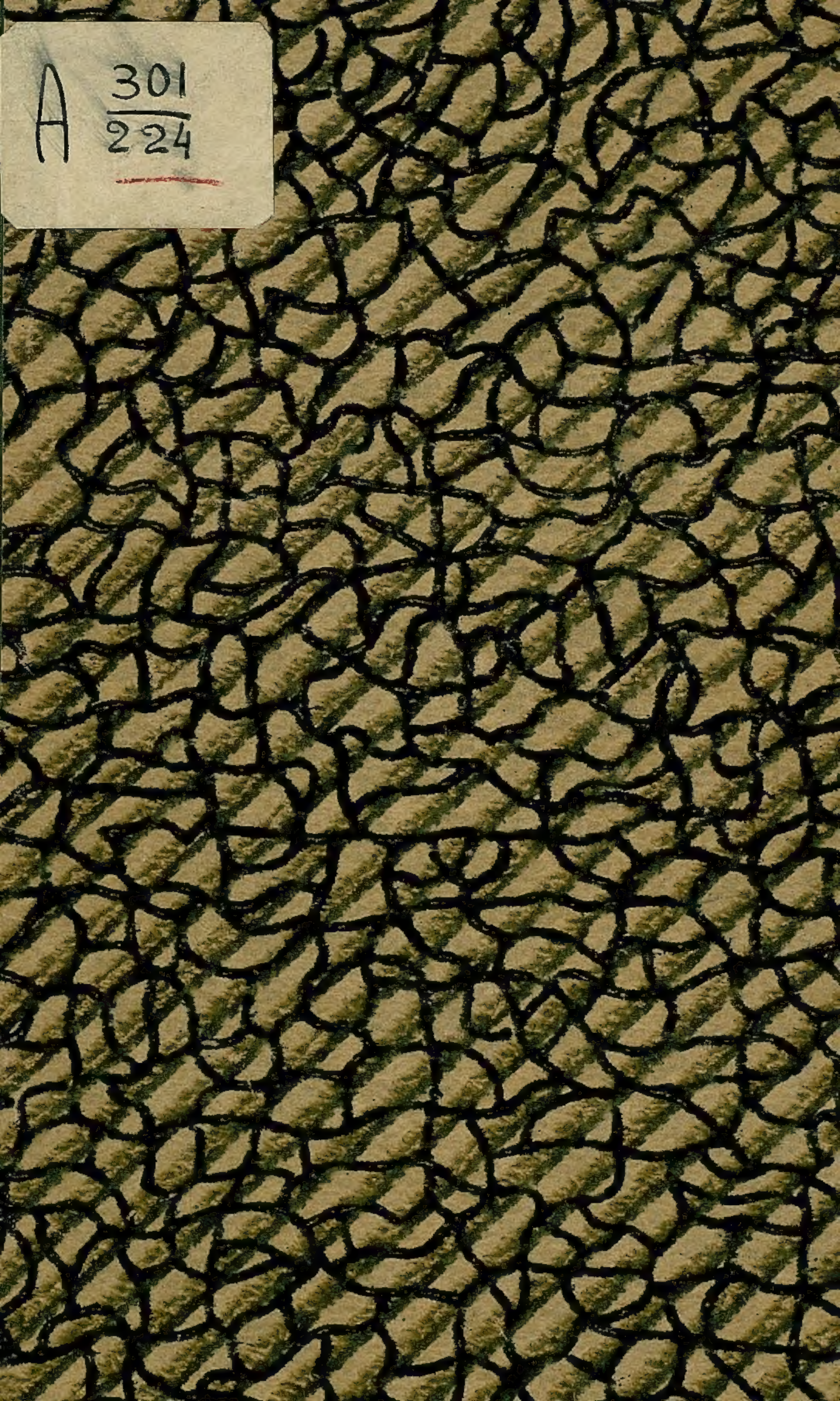

A 301/224

РИМСКІЕ ПАПЫ,

ИХЪ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Н. В. *Савельева.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1842.

Римскіе Папы, ихъ церковь и Государство,

въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ.

Исторія Западной церкви всегда обращала на себя вниманіе, и, не смотря на то, до сихъ поръ еще ни кѣмъ не написана вполнѣ и безпристрастно. Это впрочемъ и естественно, потому что ею занимались исключительно западные Европейцы, Католики и Протестанты: перомъ однихъ руководили сильное пристрастіе и обожаніе Папскаго престола; перомъ другихъ руководила столько же слѣпая ненависть къ Папамъ. Для ревностныхъ Католиковъ престолъ Римскаго Первосвященника всегда казался святынею, и никогда не хотѣли они разсмотрѣть *политическую сторону* владычества Папскаго. Писатели Протестантскіе вдались въ противоположную крайность: смотрѣли на Ватиканъ только съ одной мрачной стороны; указывали на него, какъ на вертепъ суевѣрія, обмановъ, пороковъ и жесточайшаго тиранства. Оттого-то именно, предъ глазами обоихъ, и Католика и Протестанта,—равно предубѣжденныхъ, и потому равно несправедливыхъ,—всѣ рѣзкія черты, вся физіогномія Римскихъ первосвященниковъ почти совсѣмъ сглаживались; настоящая характеристика ихъ затемнялась, исчезала. Въ сочиненіяхъ историковъ мы видѣли *образы безъ лицъ*, а не живыхъ людей, не этихъ старцевъ, безсильныхъ и вмѣстѣ могучихъ, на голосъ которыхъ преклонялась Европа за-альпская, со страхомъ и трепетомъ. Показали-ль намъ, какъ эти дряхлые первосвященники Рима, попеременно то игрушка дикой черни и мелкихъ тирановъ Италіянскихъ, то величавые покровители юныхъ республикъ Италіи, бросили перчатку наслѣдникамъ Цезарей, вступили въ борьбу съ ними, тяжкую, долгую, которая подвергала ихъ всѣмъ превратностямъ счастія, и изъ которой вышли побѣдителями. Смотрите: Папу изгоняютъ изъ его царственнаго города, и нѣтъ ему убѣжища, гдѣ бы могъ безопасно преклонить голову; но здѣсь побѣждено только лице, побѣжденъ тотъ или другой изъ

Папъ, а идея, которая постоянно руководила ихъ политикою, не истреблена: она передается отъ одного другому — и Папство еще не побѣждено; бѣглое, блуждающее, оно все-таки правитъ судьбами царствъ и народовъ. Непрерывные расколы обуреваютъ Римскую церковь, внутреннія распри терзаютъ ее въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій; но это не истребляетъ энергіи Папъ, а кажется только усиливаетъ ее, и Папство цвѣтетъ и кипитъ новою жизнію, честолюбивое и гордое, больше чѣмъ прежде. Реформація, приготовленная событіями среднихъ вѣковъ, отторгаетъ отъ власти Римскаго первосвященника народы сѣвера. Могуществу Рима нанесенъ ударъ сильный, жестокій; но, еще столько жизни сохранило оно, что даже самъ Наполеонъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ нему, хотя, конечно, только для виду. Какъ хитро, искусно измѣнялъ Римъ свою политику, послѣ реформаціи: много ошибокъ сдѣлали владыки Рима, но изъ честолюбія, а не изъ слабости; не отказываясь отъ притязаній своихъ, они смягчаютъ ихъ формы; не отрекаясь отъ прошедшаго, они ласкаютъ будущее. Вглядитесь, какъ молчаливо и благоразумно отступивъ въ предѣлы своихъ церковныхъ обязанностей, Римскій Дворъ сосредоточилъ всю свою энергію, и вдругъ опять было распространилъ свое вліяніе, еще въ большей сферѣ, нежели прежде, неутомимой дѣятельностью религіозныхъ орденовъ и системою воспитанія юношества, ввѣренною наслѣдникамъ Игнатія Лойолы.

Нашему времени предоставлено было сдѣлать *первые опыты* на этомъ новомъ поприщѣ Исторіи. Труды Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей разъяснили наконецъ *общія черты* Папскаго владычества, и приготовили нѣсколько отдѣльныхъ жизнеописаній Римскихъ первосвященниковъ. Всѣмъ этимъ воспользуется *будущій историкъ* Западной церкви, неомраченный религіозными предразсудками Католиковъ и Протестантовъ, основательно изучившій исторію *нашей* церкви. Можно сказать рѣшительно: пока западные писатели не будутъ изучать исторіи восточной Европы, до тѣхъ поръ никогда имъ не удастся начертать *полной* картины возвышенія, могущества и постепеннаго низпаденія Римскихъ первосвященниковъ. Отношеніе Западной церкви къ Восточной, виды Папъ на Россію, тѣсно связаны съ такимъ множествомъ частныхъ вопросовъ, что безъ глубокаго изученія всѣхъ

событій восточной Европы, нельзя *вѣрно* судить и о событіяхъ Западной церкви. Споры Протестантовъ съ Католиками также долго еще не будутъ рѣшены окончательно ими самими. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно было бы появленіе историка не принадлежащаго ни къ той, ни къ другой церкви; иначе, онъ всегда—можетъ быть, противъ воли—примѣшаетъ къ своимъ идеямъ религіозныя предубѣжденія. Честь написать *полную*, *вѣрную* и *безпристрастную* исторію Западной церкви принадлежитъ, по всей вѣроятности, ученымъ Богословамъ Восточной церкви, которые одни могутъ безъ всякаго предубѣжденія разсматривать со всѣхъ сторонъ событія Римско-Католическаго міра. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что богословы-Католики, для доказательства своего православія, ссылаются на сходство и одинаковость догматовъ Римской церкви съ нашею; богословы-Протестанты, для доказательства справедливости нѣкоторыхъ своихъ положеній и отступленія Католиковъ отъ чистоты первоначальнаго ученія Христіанскаго, также ссылаются на нашу церковь. И эти взаимныя свидѣтельства Католиковъ и Протестантовъ на догматы Восточной церкви, не суть ли безмолвное признаніе, что *судъ историческій* по праву принадлежитъ ей одной?....

Знаменитый Профессоръ Берлинскаго Университета, товарищъ ученаго *Раумера*, Леопольдъ *Ранке*, недавно напечаталъ второе изданіе своей превосходной монографіи „Die römische Päpste, ihre Kirche und ihre Staat im sechszenten und siebzehnten jahrhundert, von Leopold Ranke", „Римскіе Папы, ихъ церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ." Этотъ важный періодъ Западнаго Христіанства до сихъ поръ ни кѣмъ не былъ обработанъ; трудъ Г. *Ранке* есть *первый* опытъ исторіи этого времени, опытъ блистательный, обнаруживающій въ авторѣ начитанность безконечную, трудолюбіе изумительное и—во многихъ мѣстахъ—краснорѣчіе, изящное, смѣлое. Жаль одного, что автору не довольно глубоко извѣстна исторія нашего отечества: тогда на многіе предметы онъ взглянулъ бы совсѣмъ съ другой точки, и тѣмъ сообщилъ бы своему творенію характеръ всеобщности, всесторонности.

„Всѣ знаютъ власть Рима въ древнія и среднія времена", пишетъ Г. *Ранке*: „въ новѣйшія, онъ также еще разъ отжилъ великую эпоху всемірнаго владычества. Послѣ того, какъ мно-

жество народовъ отпало отъ власти Рима, въ первой половинѣ XVI столѣтія, онъ успѣлъ еще разъ возвыситься и стать средоточіемъ вѣры и мышленія народовъ южной Европы, романскаго племени, и дѣлалъ смѣлые, нерѣдко счастливые опыты возвратить себѣ потерянное владычество. Этотъ періодъ возстановленной церковно-свѣтской власти, ея обновленіе, внутреннее образованіе, успѣхи и паденіе—я намѣренъ представить, по крайней мѣрѣ въ общихъ очеркахъ. Какъ впрочемъ ни неудачно исполнилъ я это предпріятіе, но я не приступилъ бы къ нему, еслибъ не имѣлъ случая пользоваться нѣкоторыми до сей поры неизвѣстными источниками", говоритъ скромный авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, *Ранке* совѣстливо исполнилъ свое дѣло: онъ перечиталъ все, что только было доступно, перерылъ всѣ архивы, въ которыхъ могъ получить хотя какое нибудь свѣдѣніе. Въ сочиненіи *Г. Ранке* исчислены всѣ источники, которыми онъ пользовался, и вездѣ показано ихъ происхожденіе.

Въ Германіи всѣхъ богаче, въ этомъ отношеніи, Берлинъ и Вѣна, особенно послѣдняя. Австрійскій Домъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми дворами Европы, и потому въ Вѣнѣ хранятся богатѣйшіе матеріалы не одной Нѣмецкой или Италіянской исторіи, но и всеобщей. Императорско-Королевская придворная библіотека заключаетъ въ себѣ величайшее множество драгоцѣннѣйшихъ рукописей, туземныхъ и иностранныхъ. Такъ въ Моденѣ у Рангонскаго Дома пріобрѣтены любопытные манускрипты; изъ Венеціи куплены безцѣнныя рукописи Дожа Марко Фоскарини: въ томъ числѣ записки самого владѣтеля; Италіянскія хроники, которыхъ дальнѣйшаго слѣда нигдѣ не находится; богатѣйшее собраніе историко-политическихъ рукописей, составленное съ общимъ обзоромъ самимъ Принцемъ Евгеніемъ, присоединено сюда же. Здѣсь прежде находился и Венеціанскій архивъ; многіе документы возвратились въ Венецію, впрочемъ все еще довольно Венеціанскихъ бумагъ можно найти въ Вѣнѣ: депеши въ оригиналѣ, извлеченія изъ нихъ для употребленія въ дѣлахъ государственныхъ, такъ называемые рубрикаріи, реляціи не рѣдко въ единственномъ экземплярѣ, и притомъ высокаго достоинства, списки чиновниковъ, хроники и дневники, извѣстія о Григоріи XIII и Сикстѣ V и проч. Г.

Ранке съ благодарностью упоминаетъ, что Вѣнскимъ архивомъ ему дозволено было пользоваться съ неограниченною свободою.

Послѣ Берлина и Вѣны Г. *Ранке* обратилъ особенное вниманіе на Венецію и Римъ. Въ Венеціи, родовыя библіотеки и кабинеты рукописей, относящихся къ дѣламъ республики, составлялись и хранились какъ родовые памятники, показывая участіе знаменитыхъ фамилій въ судьбѣ Венеціи. Множество такихъ частныхъ собраній погибло въ 1797 году; сохраненіемъ остальнаго ученый міръ обязанъ библіотекарямъ С.-Марко: они сдѣлали все что могли, употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры для спасенія, и дѣйствительно спасли даже гораздо больше, нежели сколько бы ожидать было можно. Въ этой библіотекѣ много важныхъ рукописей, необходимыхъ для внутренней исторіи города, государства и сношеній съ Европою. Впрочемъ, это пріобрѣтеніе довольно новое; оно умножилось случайно, изъ частныхъ собраній, безъ общаго твердаго плана, и никакъ не можетъ выдержать соперничества съ государственнымъ архивомъ. Для Г. *Ранке* очень важны были донесенія Посланниковъ изъ Рима. Въ разныхъ мѣстахъ ему удалось собрать 48 реляцій объ Римѣ: девятнадцать XVI вѣка, двадцать одну XVII и восемь XVIII. Это самое драгоцѣнное собраніе любопытнѣйшихъ свѣдѣній, оставленныхъ современниками и самовидцами. —Сокровища Ватикана до сихъ поръ еще ни для кого не доступны; *Ранке* также не могъ ими пользоваться. Однакожъ ему были открыты другія собранія; тамъ почерпнулъ онъ довольно свѣдѣній, неполныхъ, но достовѣрныхъ и для его цѣли достаточныхъ. Въ XVII столѣтіи, аристократическія фамиліи, имѣя въ своихъ рукахъ управленіе, удерживали у себя часть государственныхъ бумагъ. Такъ было вездѣ, особенно же въ Римѣ. Непоты,—родственники Папъ, оставляли своимъ княжескимъ домамъ очень много важнѣйшихъ дѣлъ, собранныхъ во время управленія. Все это дѣлалось собственностью основанныхъ Непотами домовъ, и передавались какъ родовое наслѣдство. Нѣсколько залъ назначалось во дворцахъ для книгъ и рукописей. Вотъ почему здѣшнія частныя собранія, по важности, въ нѣкоторомъ отношеніи равняются государственнымъ. Какъ остатокъ государственнаго имущества переходилъ въ собственность Папскаго рода, также точно и государственный архивъ переходилъ въ дома частныхъ

фамилій. Ватиканскія галереи, столько извѣстныя по выбору изящныхъ произведеній, уступятъ галереямъ Боргезской и Дорійской; рукописи дворцевъ Барберини, Корсини, Альбани и другихъ, заключаютъ въ себѣ истинныя сокровища для исторіи Папъ, Римской церкви и государства ихъ. Недавно учрежденный государственный архивъ болѣе важенъ для среднихъ вѣковъ; для позднѣйшихъ временъ онъ не представитъ много актовъ, неизвѣстныхъ и занимательныхъ, и въ этомъ отношеніи не можетъ выдержать никакого сравненія съ богатствомъ частныхъ собраній. Каждое изъ нихъ обнимаетъ ту эпоху, къ которой относится правленіе Непота — основателя фамиліи; но такъ какъ Непоты занимали мѣста нѣсколько времени и послѣ кончины Папы, своего родственника, то каждое такое частное собраніе, не ограничиваясь одною извѣстною эпохою, заключаетъ въ себѣ еще и объясненіе временъ предшествовавшихъ и позднѣйшихъ. Богатые домы, основанные Непотами, имѣли очень много способовъ пополнять свои кабинеты рукописей, особенно въ Римѣ, гдѣ даже образовалась торговля рукописями.

Этими частными собраніями Г. *Ранке* пользовался, иногда съ неограниченною свободою. Тамъ-то почерпнулъ онъ много чрезвычайно важныхъ матеріаловъ: переписки и донесенія нунціевъ, жизнеописанія нѣкоторыхъ кардиналовъ, оффиціальные и частные дневники, бумаги судебныя, отчеты объ управленіи провинціями, объ ихъ торговлѣ и промышлености, статистическія таблицы, счеты приходовъ и расходовъ, большею частію вовсе неизвѣстные. Они составлялись людьми знающими, хотя и требуютъ критической обработки. Древнѣйшій источникъ, которымъ воспользовался Г. *Ранке*, есть заговоръ *Поркари* противъ Николая V; для XV вѣка нашелъ онъ еще нѣсколько; съ начала XVI вѣка, они дѣлаются съ каждымъ шагомъ все многочисленнѣе, обширнѣе, важнѣе. О состояніи Рима въ XVII вѣкѣ мы имѣли, до сихъ поръ, очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній; тѣмъ достойнѣе вниманія собранные ученымъ и трудолюбивымъ Г. *Ранке*. Число и внутреннее достоинство документовъ, относящихся къ XVIII вѣку, не слишкомъ велики; но, къ утѣшенію, должно вспомнить, что въ это время и государство и дворъ Римскаго владыки утратили прежнее величіе, лишились прежняго вліянія на дѣла Европы.

Г. *Ранке* справедливо говоритъ, что въ наше время Исторія Папъ имѣетъ одно только *историческое* значеніе. Власть Папская,—говоритъ онъ,—не была такъ неперемѣняема, какъ обыкновенно думаютъ. Вмѣстѣ съ измѣненіями во Всемірной Исторіи, съ преобладаніемъ того или другаго государства, съ движеніемъ общественной жизни, и Папская власть, ея системы, направленія, права, подвергались такимъ же измѣненіямъ; ихъ вліяніе испытывало величайшія превратности. Все это мастерски изложилъ Г. *Ранке* въ своемъ превосходномъ твореніи.

Для того, чтобы читатель могъ съ большею удобностію слѣдовать за нашимъ повѣствованіемъ, предлагаемъ слѣдующую таблицу, въ которой обозначены всѣ Папы, владѣвшіе Римскимъ престоломъ въ продолженіи XVI, XVII и XVIII столѣтій, т. е. до превращенія Папскихъ владѣній въ Римскую республику, въ 1799 году, и возстановленія Папскаго достоинства въ лицѣ Пія VII, Кіарамонти, избраннаго 13 Февраля 1800 года. — Числа вездѣ означены по новому стилю.

Въ XVI-мъ столѣтіи:

Александръ VI, Борджіа, съ 1491 г. по	18	Августа	1503 г.
Пій III, Тодесчини	18	Октября	1503
Юлій II, Ла-Роверъ	21	Февраля	1513
Левъ X, Медичи	1	Декабря	1521
Адріанъ IV, Флорентъ-Утрехтъ	14	Сентября	1523
Климентъ VII, Медичи	26	Ноября	1534
Павелъ III, Фарнезе	10	Ноября	1549
Юлій III, Дель-Монте	22	Марта	1555
Марцелъ II, Червизіо	1	Іюня	1555
Павелъ IV, Караффа	17	Августа	1559
Пій IV, Медичи	9	Декабря	1565
Пій V, Чеслери	1	Мая	1572
Григорій XIII, Буонокомпано	10	Апрѣля	1585
Сикстъ V, Перетти	28	Августа	1590
Урбанъ VII, Кастаньо	28	Сентября	1590
Григорій XIV, Сфондрито	15	Октября	1591
Иннокентій IX, Фачинети	29	Декабря	1591

Въ XVII-мъ столѣтіи:

Климентъ VIII, Алобрандини	3	Марта	1605
Левъ XI, Медичи	27	Апрѣля	1605

Павелъ V, Боргезе	27 Января	1621
Григорій XV, Людовизіо	8 Іюля	1623
Урбанъ VIII, Барберини	29 Іюля	1644
Иннокентій X, Памфили	5 Января	1655
Александръ VII, Чиги	21 Мая	1667
Климентъ IX, Распиліози	9 Декабря	1669
Климентъ X, Альтіери	21 Іюля	1676
Иннокентій XI, Одескальки	12 Августа	1689
Александръ VIII, Оттобани	1 Февраля	1691
Иннокентій XII, Ипшателли	27 Ноября	1700

Въ XVIII-мъ столѣтіи:

Климентъ XI, Альбани	18 Марта	1724
Веніаминъ XIII, Урсини	20 Февраля	1730
Климентъ XII, Корсини	5 Февраля	1740
Веніаминъ XIV, Ламбертини	2 Мая	1758
Климентъ XIII, Рецциniко	2 Февраля	1769
Климентъ XIV, Ганганелли	22 Сентября	1774

Пій VI, Бракги низложенъ 15 Февраля 1798 года, скончался плѣнникомъ въ Валенсѣ, что въ Департаментѣ Дромскомъ, 29 Августа 1799 года.

Ознакомившись съ именами владыкъ Римской церкви, приступимъ къ самому изображенію событій, приготовившихъ реформацію.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе, и предварительно рѣшить вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ реформація принадлежитъ одному Тевтонскому племени, какъ обыкновенно привыкли думать? или же, она была приготовлена другими, отдаленными событіями, въ которыхъ участвовали и не Нѣмецкія племена? Этотъ вопросъ разрѣшается всѣми историками реформаціи очень неудовлетворительно, и причиною того ихъ незнаніе исторіи восточной Европы. Предлагаемъ наше мнѣніе, основанное на самомъ ходѣ событій. *)

Со времени изобрѣтенія книгопечатанія, начало образоваться въ Европѣ общественное мнѣніе, невидимая, но могуществен-

*) Обращаю вниманіе читателей на статью мою „Очерки Всеобщей Исторіи“, помѣщенную въ „Маякѣ современнаго просвѣщенія“, N IX, 1840 года.

ная сила, которой вовсе не было въ древнемъ мірѣ и которая покорила себѣ въ новомъ даже самую политику, сдѣлалась въ нѣкоторыхъ государствахъ охранителемъ безопасности частныхъ лицъ, руководительницею дѣйствій правительствъ. До тѣхъ поръ, пока не существовало книгопечатанія, не могло существовать и общественнаго мнѣнія; чѣмъ же оно замѣнялось для христіанскаго міра среднихъ вѣковъ? На западѣ, властію Папъ, на востокѣ вліяніемъ духовенства. Присвоивъ себѣ владычество надъ умами и совѣстію западныхъ христіанъ, Папы со временъ Григорія VII сдѣлались не по титулу, но въ самой сущности, владыками западнаго христіанства; они вовсе не имѣли силъ матеріальныхъ, но зато въ ихъ рукахъ было страшное орудіе, отлученіе отъ церкви, которымъ они такъ искусно и отважно пользовались. Возмущался ли вассалъ, опасный для государя, который не могъ бы самъ смирить его — Римскій дворъ насылалъ, черезъ своихъ легатовъ, грозную буллу; настоятель ближайшаго монастыря провозглашалъ отлученіе отъ церкви, и свирѣпый феодалъ чувствовалъ необходимость смириться передъ властію духовнаго владыки, покорялся и удовлетворялъ справедливымъ требованіямъ невинно притѣсненнаго. Угнѣталъ ли Государь своихъ подданныхъ — они прибѣгали къ Риму, и грознымъ поруномъ разражался гнѣвъ владыки: Папа гремѣлъ отлученіемъ на непокорнаго сына, разрѣшалъ подданныхъ отъ присяги, и въ бѣдномъ рубищѣ, являлся нѣкогда могущій владыка и падая смиренно къ стопамъ непобѣдимаго Папы, униженно испрашивалъ прощенія и разрѣшенія. Но духовенство по родственнымъ связямъ съ феодалами, часто дѣйствовало за одно съ ними: Папы вознамѣрились прервать всѣ связи духовнаго общества съ свѣтскимъ; они объявили, что посвятившій себя Богу, долженъ отречься отъ всего мірскаго, забыть все что можетъ связывать съ міромъ — друзей, родственниковъ, жену, дѣтей, и помышлять единственно о спасеніи души и вѣчной жизни. Безбрачное состояніе и безпрекословное повиновеніе главѣ христіанства т. е. Папѣ, поставлены двумя важнѣйшими условіями для принятія въ церковь. Такимъ образомъ духовенство, поставленное въ зависимость отъ Папы, было отдѣлено отъ феодаловъ; выгоды его тѣсно связались съ выгодами Папъ; отъ усиленія могущества Римскихъ владыкъ зависѣло и

возвышеніе духовенства въ глазахъ народа, и значительность въ отношеніи къ Государямъ. Не понимая по-латыни и не имѣя Библіи въ переводѣ, народы западной Европы, должны были почерпать всѣ правила нравственности, всѣ догматы ученія Христова изъ наставленій духовенства и монашества. Въ ихъ рукахъ по этому находилась совѣсть всѣхъ; а дѣйствуя на совѣсть, они овладѣли нравственнымъ убѣжденіемъ всего свѣтскаго общества, слѣдовательно самимъ обществомъ, потому что на внутреннемъ убѣжденіи основанъ не только умственный, но и политическій бытъ народовъ. Монашескіе ордена дѣйствовали одни на совѣсть и умъ вельможъ, а другіе на простолюдиновъ, съ которыми находились въ сношеніяхъ, — и бѣлое духовенство, привязанное всѣми выгодами къ Папѣ, сдѣлалось его воинствомъ, посредствомъ котораго онъ распространилъ свою власть и на Государей и на феодаловъ и на весь народъ. Римскій дворъ постановилъ правиломъ: „Какъ въ златой Императорской державѣ земной шаръ находится подъ крестомъ, какъ мѣсяцъ подъ солнцемъ; такъ и государство непремѣнно должно быть подъ властью церкви и главы ея, намѣстника Св. Петра.“ По этому всѣ государства суть ленныя владѣнія т. е. жалованныя владѣнія Папы, и ни какой Князь, Король, Императоръ не можетъ быть избранъ безъ Папскаго согласія. Римская іерархія достигла своей вершины. Однакожъ Императоры и Короли были противнаго мнѣнія: они соглашались, чтобъ Папа былъ духовнымъ владыкой, но не свѣтскимъ; признавали его намѣстникомъ Іисуса, главою христіанской церкви; но утверждали, что царство Христово нѣсть отъ міра сего *). Съ тѣхъ поръ борьба между властью духовною и свѣтскою сдѣлалась неизбѣжною: Императоръ и Папа стали въ бой. Совѣстію всего западнаго христіанства Папы могли располагать по произволу; но имъ не доставало силъ матеріальныхъ. Для побѣды надъ Государями и феодалами, Папѣ нужно было и въ свѣтскомъ обществѣ пріобрѣсть ревностныхъ приверженцевъ: онъ сталъ покровительствовать освобожденію горожанъ изъ подъ власти феодальной и борьбѣ ихъ съ феодалами и самыми государями. Для удержанія политическаго перевѣса надъ народомъ, Папѣ необходимо было

*) Беттигеръ.

сосредоточить всю нравственную силу въ духовенствѣ, и слѣдовательно все просвѣщеніе сдѣлать исключительною принадлежностью духовенства; при монастыряхъ явились университеты, въ которыхъ преимущественно стали изучать права Римское и Каноническое. Университеты должны были сдѣлаться новою подпорою Папской власти. Оно такъ вначалѣ и было. Во время феодальныхъ неустройствъ, университеты были на сторонѣ Папъ и Монархической власти, разливая повсюду въ свѣтскомъ обществѣ здравыя понятія о сущности государствъ, о необходимости единовластія. Юношество цѣлыми тысячами стекалось въ университеты изучать Римское Право; съ умноженіемъ университетовъ умножалось число людей въ свѣтскомъ обществѣ, привыкшихъ къ правильному, логическому сужденію, свѣдущихъ въ діалектическихъ искусствахъ — начало создаваться общественное мнѣніе, которое должно было разрушить несокрушимое дотолѣ владычество Папъ: въ тѣхъ странахъ, гдѣ были заведены университеты, явились и грозные противники Папской власти. Изучивъ Римское Право, слѣдовательно воспитанные въ правилахъ монархизма, юристы преклоняли убѣжденіе народа въ пользу Монархической власти; когда же власть эта усилилась, то юристы, сами принадлежа къ свѣтскому обществу и видя стремленіе Папъ къ совершенному деспотизму, первые напомнили о подчиненіи владыкъ духовныхъ въ древнемъ Римѣ властителю свѣтскому, Императору. Создавъ же общественное мнѣніе, университеты приготовили всѣ средства низвергнуть владычество Папъ надъ западною Европою. Событія въ восточной Европѣ, по видимому, совершенно отдѣльныя, присоединились къ нимъ и произвели общее возстаніе западной Европы.

Не въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ находился Патріархъ Византійскій: общедоступность, общенародность Св. Писанія спасла Восточно-Европейскія земли отъ деспотизма духовнаго. При томъ, въ своемъ государствѣ, Греческій Патріархъ издревле былъ въ зависимости отъ Императора; распространить свое могущество на Славянскія земли, которыя приняли и удержали Греческое исповѣданіе, ему не удалось. Россія, Болгарія, Сербія свято соблюдали православное исповѣданіе вѣры, общее съ Греками; но строго смотрѣли на всѣ покушенія Греческаго духовенства, и не допускали его вмѣшиваться въ дѣла полити-

ческія. 862 годъ, въ которомъ Рюрикъ сѣлъ на *столъ* Новогородскій,—этотъ годъ ознаменовался важнѣйшимъ событіемъ для всѣхъ Славянъ: переводомъ Библіи на Болгарскій языкъ двумя знаменитыми мужами, Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Начало *политической самобытности Россіи* совпало съ началомъ *духовной самобытности Славянскихъ племенъ.* Правила нравственности, какъ и догматы вѣры, Славяне могли почерпать прямо изъ Св. Писанія — толкованія превратныя, несогласныя съ Библіею, не могли имѣть мѣста у нихъ, по общедоступности ея. Россія признавала Патріарха духовнымъ владыкою въ дѣлахъ вѣры; однакожъ не дозволяла ему сильно мѣшаться не только въ дѣла политическія, но даже во внутреннія церковныя свои распоряженія, не касавшіяся догматовъ: часто и Митрополитовъ избирала сама, соборомъ Епископовъ, не относясь къ Патріарху. Болгарія, подобно Россіи имѣла также свою церковь и даже создала своего Патріарха. Когда же въ началѣ XI вѣка Болгаре пали подъ иго Византійскихъ Императоровъ, то Болгарское Патріаршество немедленно было уничтожено, а Болгарскія епископіи всѣ подчинены Патріарху Греческому. Двѣсти лѣтъ продолжалось рабство: Болгарія испила всю чашу горести отъ Греческихъ Епископовъ и свѣтскихъ начальниковъ; налоги, притѣсненія, бывшія причиною частыхъ возмущеній, годъ отъ году умножались. Сосудъ былъ полонъ, еще одна капля и чаша горестей переполнившись излилась сама собою. Греческій Патріархъ задумалъ ввести въ Богослуженіе Греческій языкъ. Желаніе уничтожить Славянскій языкъ вооружило самыхъ покорныхъ дотолѣ; Болгарскій священникъ *Богумилъ* провозгласилъ Патріарха антихристомъ и началъ проповѣдывать новое ученіе, въ родѣ пресвитеріанскаго. Греческое правительство и Патріархъ воздвигли сильное гоненіе на еретиковъ; но возстаніе духовное было началомъ возстанія политическаго: Болгарія освободилась отъ ига, въ XIII столѣтіи; Болгарское Патріаршество было возстановлено. Однакожъ, новое правительство Болгарское не дозволило распространяться ученію Богумилистовъ, и послѣдніе изъ нихъ принуждены были удалиться за границу. Тысячи семействъ Болгарскихъ разсѣялись, отъ преслѣдованій Грековъ и запрещеній своего возстановленнаго правительства: Венгрія Словенія, Швейцарія, Сѣверная Италія, Южная Франція на-

полнились изгнанниками. Поселясь въ земляхъ Католическихъ, Болгарскіе Богумилисты по духу своего ученія должны были сдѣлаться врагами и Папъ, какъ *единыхъ* духовныхъ владыкъ. Такъ и было. Въ Ліонѣ явился тогда какой-то Болгаринъ Владъ (Waldus) и тысячами обращалъ народъ къ богумилизму; жители Ліона (Waldenses) и Альби (Albigenses) сдѣлались особенно жаркими поборниками новаго ученія, противнаго ученію папистовъ: Папы увидѣли тотчасъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ все это на народъ, и призвали всю Францію въ крестовый походъ противъ еретиковъ. Страшное истребленіе всѣхъ послѣдователей богумилизма было слѣдствіемъ настоянія Папы; ужасъ наведенный этимъ ожесточеннымъ преслѣдованіемъ и проклятіемъ отъ Папы, былъ такъ великъ, что самое имя Болгаръ съ тѣхъ поръ сдѣлалось ругательнымъ словомъ въ устахъ Французскаго народа. Но тамошніе богумилисты оставили по себѣ не одну память, какъ еретики; нѣтъ! до нихъ на Западѣ еще не знали употребленія шелку; Болгаре, какъ жители Востока, принесли съ собою шелковое производство и Франціи — говоритъ Венелинъ —„въ награду за ея преслѣдованія доставили первѣйшую нынѣ вѣтвь ея промышлености.“ Въ другихъ земляхъ реформа шла медленнѣе, тише, но за то успѣшнѣе: Словаки передали богумилизмъ Моравамъ и Чехамъ, и у нихъ явились Янъ Гусь-Гусинецкій и Іеронимъ Пражскій; Моравы и Чехи передали богумилизмъ Сорабамъ, обитателямъ Саксоніи, Лузаціи, Бранденбурга, и въ этихъ земляхъ явился Лютеръ; *) въ Швейцаріи богумилизмъ произвелъ Кальвина; перенесенный, во время войнъ Французовъ съ Англичанами, въ Англію, богумилизмъ породилъ ученіе Виклефа. Умы были уже приготовлены; Греческіе изгнанники, бѣжавшіе въ чужія страны послѣ паденія Кон-

---

*) Переводомъ Св. писанія на Нѣмецкій языкъ Лютеръ оказалъ величайшее благодѣяніе всѣмъ Тевтонскимъ племенамъ, которыя совсѣмъ не понимали ни Латинской Библіи, ни Латинскихъ молитвъ. Въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Германія до появленія Лютера, можно судить изъ его же отзыва о своихъ современникахъ: „Простолюдинъ ничего не знаетъ о Христіанскомъ ученіи, особенно въ деревняхъ; люди не умѣютъ даже прочесть ни „*Вѣрую*“, ни „*Отче нашъ*“, не знаютъ „десяти заповѣдей“, живутъ какъ скоты и какъ свиньи безсмысленныя... Сами священники не въ состояніи другихъ учить.“

стантинополя, распространили въ Европѣ просвѣщеніе еще болѣе; университеты между тѣмъ дѣйствовали; Лютеровъ переводъ Библіи на Нѣмецкій языкъ доставилъ Нѣмцамъ средство судить о справедливости притязаній Папъ, которыхъ деспотизмъ въ концѣ среднихъ вѣковъ достигъ высшей степени; реформація быстро начала развиваться въ XVI столѣтіи. Государямъ были нужны деньги, потому что недавнее сосредоточеніе власти въ рукахъ правительствъ привело ихъ финансовыя средства въ самое затруднительное положеніе: расходы правительства необходимо должны были увеличиться; непредвидѣнныя издержки требовали часто очень большихъ суммъ; а постоянные прежніе доходы были очень незначительны. Государи видѣли, что принявъ новое ученіе могутъ безъ зазрѣнія совѣсти отобрать у Католическихъ монастырей всѣ ихъ земли и всѣ богатства. И вотъ Государи покровительствуютъ и сами принимаютъ ученіе Лютера, а между тѣмъ — отбираютъ въ казну богатѣйшія владѣнія, принадлежавшія Католическому духовенству. Всѣ почти сѣверныя Германскія владѣнія отпадаютъ отъ Рима; даже духовныя братства, рыцарскіе ордена покорившіе нѣкогда Папѣ и Балтійское Поморье и Ливонію, и тѣ отложились отъ Рима.

Такъ, по нашему мнѣнію, долженъ представить событія будущій историкъ Реформаціи, когда узнаетъ Исторію Восточной Европы. Можно быть увѣрену, что и ученый Г. *Ранке*, — несмотря на то, что самъ принадлежитъ къ Протестантамъ, — вполнѣ согласится, что въ дѣлѣ Реформаціи было много, очень много *человѣческаго*, начиная хоть съ женитьбы самого Лютера на монашенкѣ, Лютера, который сперва самъ просилъ у Папы своему ордену привиллегію на продажу индульгенцій. . . . Лютеръ могъ и не быть, а Реформація, все-таки была неизбѣжна; чтобы судить о Реформаціи, безпристрастно и справедливо, надо быть не-Католикомъ, врагомъ Лютера, и не-Протестантомъ — приверженцемъ Лютера. . . Вглядитесь въ событія среднихъ вѣковъ и вы убѣдитесь, что паденіе могущества Папъ было приготовлено *множествомъ* самыхъ отдаленныхъ причинъ. . .

Власть Папская выдерживала борьбу безпрерывную. Самодержавіе религіозное, опираясь на Вѣру, по тому самому было сильнѣе всѣхъ властей, что почти съ самаго начала оно встрѣтило враговъ и препятствія; явилось великое множество ересей, порож-

денныхъ сомнѣніемъ, этимъ возстаніемъ ума человѣческаго. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, умъ противился идеѣ той власти, на которой основали свой деспотисмъ Григорій VII, Иннокентій III. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, даже въ Испаніи и Португалліи, возстаютъ противъ жадности, злоупотребленій, притязаній Римскаго двора, противъ его неправедныхъ догматовъ, противъ его денежныхъ поборовъ; возстаютъ не послѣдовательно и упорно, а вспышками, не систематически, а по инстинкту. Всякой разъ, когда Монархи усиливаются противиться требованіямъ Ватикана, феодалы и юристы, воины и граждане—всѣ съ ними за-одно. Папская власть пустила глубоко корни; она отстаиваетъ себя съ умѣньемъ, ловко, превосходно; поле сраженія остается за ней.

Много владѣній покорствовало Папской тіарѣ въ исходѣ XV столѣтія; оброки Государствъ-данниковъ сыпались на тіару, и она разбогатѣла отъ накопленія церковныхъ доходовъ. Положеніе Италіи представляло честолюбію Римскаго Двора соблазнъ увлекающій; вся страна находилась въ рукахъ или торговыхъ республикъ, или туземныхъ владѣтелей, которые по-не-многу покорили себѣ маленькія области или обратили ихъ въ вассальства. Подчинить себѣ гордыхъ и буйныхъ Бароновъ Романьи, расширить Папскія владѣнія, превративъ ихъ въ сильное Государство,—такое предпріятіе было соблазнительно; блескъ его ослѣпилъ первосвященниковъ и скрылъ отъ нихъ неминуемыя пагубныя слѣдствія. Желаніе *утвердить наслѣдственную власть только въ одной своей фамиліи*,—желаніе всегда тайное, всегда скрываемое и никогда не отлагаемое, сдѣлалось одною изъ главныхъ причинъ ослабленія Ватикана. Новый первосвященникъ, при самомъ восшествіи на престолъ, находилъ, что всѣ лучшія владѣнія Церкви проданы его предшественникомъ; любимецъ одного правительства дѣлался заклятымъ врагомъ слѣдующаго. Каждый Папа приводилъ съ собою свою челядь, которую вытѣсняла челядь другаго Папы, его преемника. При такой безпрестанной измѣняемости можно-ль было твердо надѣяться на будущее, можно-ль было сохранять постоянно одинаковое направленіе, принять одну систему въ политикѣ? Эта шаткость, непрочность, гибельно дѣйствовала на каждаго новаго Папу, представляя на каждомъ шагу безпрерывныя затрудненія. Заблудясь въ этомъ

лабиринтѣ политики своекорыстной, ограниченной, недальновидной, могли-ль Папы совершить подвигъ, завѣщанный Гильдебрандтомъ, великій, но тяжкій?

Прекрасно было владычество, какое Иннокентій и Григорій осмѣлились основывать надъ мыслію: Держава дивная, тиранство жестокое, но не отвратительное, потому что заслугами оно вознаграждало за отнятую независимость: оно тяготѣло надъ людьми, но для того, чтобы просвѣтить ихъ, а не унизить. Многое можно было простить тому, кто приносилъ міру подобные дары. „Почитайте меня, покоряйтесь мнѣ, повинуйтесь"—говорило оно — „за то я подарю васъ порядкомъ, наукою, союзомъ, гражданскимъ устройствомъ, успѣхомъ, и даже миромъ и спокойствіемъ, сколько возможно въ такую эпоху." И ничего мелкаго, ничего варварскаго нельзя указать въ этомъ самовластномъ владычествѣ: оно распространяло предѣлы Христіанскаго міра, противоборствовало натискамъ исламизма; властью разумной и нравственной уравновѣшивало оно кровавую, дикую власть тогдашнихъ желѣзныхъ скипетровъ и стальныхъ копій; одною рукою боролось Папство съ исламизмомъ, другою душило остатки энергическаго идолопоклонства на Сѣверѣ; около себя, подобно центру, оно собирало всѣ нравственныя и духовныя силы человѣчества. Папство было деспотомъ, но не забудьте, что всеобщее варварство и дикость стремились все разстроить, а Папы все вновь возсоздавали. „Папство оскорбляло вѣнцы Царей, права народовъ" говорите вы; „оно клало свою дерзкую ногу на чело владыкъ; ни что не могло существовать безъ дозволенія Рима!" —Да, безспорно; но это гордое владычество было благомъ безмѣрнымъ: сила умственная приневолила преклониться передъ собою силу животную; а изъ всѣхъ торжествъ духа надъ матеріею, это, можетъ быть, самое высокое. Перенеситесь мыслію въ то безправое время, когда одинъ пользовался всѣми правами, а прочіе не имѣли никакихъ, были людьми безправыми; когда законъ—безмолвный, распростертый подъ мечемъ—пресмыкался въ кровавомъ прахѣ. Не дивное-ли было зрѣлище? Нѣмецкій Императоръ, во всей полнотѣ могущества, въ ту самую минуту какъ двинулъ свое войско истребить въ зародышѣ Италіянскія республики, — вдругъ остановился и не могъ ступить шага далѣе; вожди, покрытые оружіемъ, окруженные своими полками — Фи-

липпъ Августъ Французскій, Іоаннъ Англійскій—останавливаютъ мщеніе, и вдругъ чувствуютъ себя безсильными, пораженными какъ бы громомъ. И отъ чьего голоса? скажите. — Отъ голоса бѣднаго старика, который живетъ въ какомъ-то далекомъ городѣ съ двумя баталіонами нестройныхъ воиновъ, и владѣетъ только всего на-все нѣсколькими милями спорной земли! . . Зрѣлище, возвышающее душу! . .

Вотъ съ какой высоты спустились Папы въ концѣ XV столѣтія, рѣшась обратить власть свою въ свѣтскую. До сихъ поръ, владыка Рима былъ болѣе Короля; теперь, онъ сталъ меньше простаго владѣтеля: сила, которой ничто не могло покорить, растерялась въ мелкихъ интересахъ и мѣстныхъ смутахъ. Много расточилъ тогда Ватиканъ умѣнья, ловкости, и все по-напрасну! Самые колоссальные интересы были пожертвованы интересамъ мелочнымъ и ничтожнымъ; вѣчное исчезло предъ ежедневнымъ. Пойми Ватиканъ свое призваніе, какое бы мѣсто занялъ онъ во время великой борьбы, начавшей раздѣлять Европейскія Государства! Какъ прекрасно и сильно было бы его положеніе!

Въ цвѣтущихъ равнинахъ Романьи, за которую происходило столько споровъ между владѣтелями Италіи, Сикстъ IV хотѣлъ основать Княжество для своего племянника. Право было на сторонѣ Государя-первосвященника; но у него недоставало способовъ для войны, средствъ матеріяльныхъ: онъ сталъ дѣйствовать властію духовною. Сикстъ не побоялся, во время борьбы, вмѣшать духовную власть въ самыя мелкія интриги, и тѣмъ унизилъ ее. *Медичи*, главные противники Сикста, владѣли во Флоренціи; онъ сносился съ ихъ врагами, возжегъ междоусобную войну, и заставилъ думать, что онъ, святѣйшій отецъ, не чуждъ былъ заговора *Пацци*, котораго послѣднею и ужасною сценою было убійство, совершенное на ступеняхъ алтаря. Когда Венеціяне оставили его племянника, Папа не только бросилъ ихъ однихъ въ войнѣ, которую самъ же воспламенилъ, но еще сталъ громить ихъ всѣми молніями Ватикана. Съ равнымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ Сикстъ въ Римѣ и противниковъ своего племянника: отнялъ у *Колонновъ* Марино, окружилъ солдатами домъ *Колонны*, взялъ его подъ стражу и предалъ въ руки палача.— Отрубленную голову вмѣстѣ съ тѣломъ выставили въ церкви Св. Цельса. Мать жертвы пришла взглянуть на трупъ; она припод-

няла за волосы голову сына и сказала: „Посмотрите: вотъ каково слово Папы! Онъ обѣщалъ намъ жизнь сына, если отдадимъ ему Марино; Марино его, а мой сынъ мертвъ!“ Прямымъ наслѣдникомъ пороковъ этого Папы былъ Александръ VI *Борджіа.* Первымъ дѣйствіемъ его правленія были наказанія: преступленіями онъ наказалъ преступленія своихъ предшественниковъ. Вдова Сикстова племянника была выслана изъ тѣхъ владѣній, за которыя пролито столько крови, совершено столько преступленій, опозорена власть тіары и проложенъ ея владѣтелямъ путь погибели. Въ Александрѣ *Борджіа* явился Неронъ Папства: ни роману ни драмѣ не мечталось ничего подобнаго; развратъ нигдѣ не былъ выше.

Макіавель называетъ Александра VI великимъ государственнымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Папа и сынъ его, *Цезарь Борджіа*, умѣли управлять людьми посредствомъ страха. Чувства нравственности и народная ненависть для нихъ ничего не значили. Фамиліи *Сфорца, Малатеста* и *Манфреди* были однѣ изъ самыхъ могущественныхъ въ Италіи. Александръ одержалъ верхъ надъ ними; тогда партія, которая помогла ему возвыситься, была не нужна для него—онъ бросилъ ее. Но это казалось еще мало для Святѣйшаго отца и Цезаря: они перерѣзали всѣхъ прежнихъ сообщниковъ. Такимъ образомъ, говоритъ Г. *Ранке*, „Александръ увидѣлъ осуществленіе пламеннѣйшихъ своихъ желаній: Бароны, владѣльцы земель, уничтожены, и его фамилія достигаетъ великаго наслѣдственнаго могущества въ Италіи. Но вмѣстѣ съ этимъ, онъ уже начиналъ чувствовать, до какихъ крайностей могутъ довести пылкія, необузданныя страсти. Цезарь не хотѣлъ дѣлиться властью ни съ кѣмъ: родство не могло защитить совмѣстниковъ. Старшій братъ его, Францискъ, получилъ отъ Фердинанда Короля Кастильскаго и Аррагонскаго, инвеституру на Герцогство Гандію. Цезарь рѣшился во что бы то ни стало, избавиться отъ брата, сильнаго властью и, можетъ быть, соперника въ любви, по-крайней-мѣрѣ такъ подозрѣвалъ Цезарь. Онъ обратился къ Испанцу *Микелотто*, который считался однимъ изъ *опытнѣйшихъ брави* своего времени. Францискъ между тѣмъ приготовился къ отъѣзду въ Неаполь; тамъ онъ долженъ былъ въ качествѣ легата присутствовать при короновавіи Фридерика. Желаніе Цезаря совершилось: на канунѣ отъ-

ѣзда, Францискъ былъ убитъ, и тѣло его брошено въ Тибръ. Преступленіе, совершенное такъ открыто, поразило весь Римъ ужасомъ. Венеціанскій Посланникъ стоялъ на мосту, когда вытащили изъ рѣки трупъ, и пошелъ за нимъ до воротъ замка Св. Ангела; толпы народа хлынули туда же; среди этого нестройнаго шума и говора толпы —пишетъ Посланникъ— мы слышали голосъ престарѣлаго Папы, громко рыдавшаго объ утраченномъ сынѣ . . . . .

Велѣно было произвести строжайшій розыскъ объ этомъ убійствѣ. Мать жертвы и убійцы остановила дѣло въ самомъ началѣ. „Если ты не прекратишь розысковъ", грозила она Папѣ, „то и самъ погибнешь отъ руки, которая лишила тебя сына". Угрозы подѣйствовали на Папу; дѣло замолкло, хотя разговоры и продолжались. Одинъ изъ родственниковъ Папы, *Джіованни Борджіа*, изъявилъ сожалѣніе объ участи Франциска. Эти слова переданы были Цезарю, который тогда осаждалъ Форли. Джіованни спѣшилъ въ Римъ и—ничего не предугадывая—остановился, на пути, въ лагерѣ, повидаться съ родственникомъ. Цезарь принялъ его ласково и пригласилъ остаться обѣдать. Джіованни охотно согласился; Цезарь былъ необыкновенно веселъ, и дружески разговаривалъ съ любезнымъ гостемъ-родственникомъ. Обѣдъ кончился, и дѣйствіе отравленнаго кушанья тотчасъ обнаружилось: нестерпимое томленіе овладѣло несчастнымъ Джіованни. Нѣсколько дней продолжались его страданія: „видно всѣмъ намъ одна дорога съ Герцогомъ Гандіей", умирая сказалъ онъ.

Если такимъ образомъ поступалъ *Цезарь Борджіа* съ членами собственной фамиліи, то можно понять, на что̀ не рѣшался онъ въ отношеніи къ чужимъ. Въ этомъ случаѣ *Цезарь* являлся достойнымъ сыномъ Александра VI. Архіепископъ Козенцскій чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе Святѣйшаго отца и *Цезаря*; явныхъ признаковъ сильнаго гнѣва однако жъ ему не показано. По обыкновенію, къ Архіепископу собрались друзья и знакомые, ужинали и на другой день узнали, что его уже нѣтъ въ живыхъ: мертвый лежалъ онъ на постелѣ; тѣло его въ нѣсколько часовъ послѣ ужина до такой степени почернѣло, что слуги не могли смотрѣть на трупъ своего господина.—Знаменитыя фамиліи *Орсини* и *Савелли* долго боролись съ Папою. Александръ питалъ къ нимъ закоренѣлую ненависть. Кардиналъ

Орсини, во время этой борьбы, попался въ плѣнъ, и былъ заключенъ въ замокъ Св. Ангела. Мать несчастнаго хотѣла доставить ему хоть нѣкоторыя удобства въ темницѣ; она пожертвовала всѣмъ своимъ богатствомъ. Папа объявилъ, что ея желанія будутъ исполнены и сыну ея окажутъ всякое снисхожденіе. Александръ былъ удивительно внимателенъ: Кардиналъ занемогъ —Папа назначилъ къ нему собственнаго своего медика. Мать въ тотъ же день получила извѣстіе о болѣзни сына, и внимательности Папы. Это было въ Понедѣльникъ; а въ Срѣду Кардиналъ сдѣлался жертвою этой внимательности Святѣйшаго отца. . . . .

До временъ Александра, Европейскіе Государи не хотѣли вступать ни въ какія сношенія съ Турками. Первосвятитель Христіанскаго Запада не устыдился подружиться съ врагами имени Христова. Могущественный наслѣдникъ Магомета II, Баязетъ, встрѣтилъ себѣ противника въ родномъ братѣ. Джемъ взволновалъ Малую Азію, но былъ разбитъ и рѣшился искать убѣжища въ Западной Европѣ. Римскій Дворъ оказалъ покровительство Джему, и онъ спокойно жилъ въ Италіи. Между тѣмъ въ умѣ предпріимчиваго Французскаго Короля Карла VIII родилась мысль выгнать Турковъ изъ Европы; онъ рѣшился воспользоваться несчастіемъ Джема и употребить его орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ. Съ этою цѣлію, Карлъ VIII потребовалъ отъ Александра выдачи Турецкаго Принца. Александръ отказался. Тогда Французскій Король объявилъ, что—если его желаніе не будетъ удовлетворено по доброй волѣ, то онъ силою заставитъ Папу исполнить просимое. Опасаясь видовъ Карла на Италію, Александръ вошелъ въ сношенія съ Баязетомъ, и просилъ его помощи въ случаѣ нападенія Французовъ на Римъ. Султанъ, поклонникъ Магомета, предложилъ Его Святѣйшеству 300,000 дукатовъ за смерть брата. Святой отецъ принялъ предложеніе; Карлу обѣщано, въ то же время, выдать Джема; на канунѣ отъѣзда, Папа хотѣлъ *проститься* съ Принцемъ, который столько лѣтъ пользовался покровительствомъ Рима; вечеромъ назначенъ великолѣпный ужинъ. Шла искренняя бесѣда; Джемъ благодарилъ за радушіе и просилъ ходатайствовать передъ новымъ покровителемъ. Разстались весело и дружески. Джемъ отправился къ Французскому Карлу; но едва прибылъ въ Неаполь, обнаружилось дѣйствіе медленнаго яда: несчастный Джемъ погибъ. *Томази*

прибавляетъ, что и Баязетъ не медля исполнилъ обѣщаніе, данное убійцамъ брата.

Цезарь повиновался отцу, но—только до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчило его собственнымъ видамъ. Родство, какъ мы видѣли, не могло служить защитою: по приказанію *Цезаря*, убійцы напали на мужа сестры его, когда тотъ шелъ во дворецъ. Раненый скрылся, однакожъ, отъ нихъ у жены и сестры. Приближенные знали, что въ случаѣ неудачи одного средства, у *Цезаря* есть другое, вѣрнѣйшее—ядъ; желая предохранить мужа отъ погибели, жена сама готовила кушанье. Папа скружилъ домъ зятя стражею; отецъ принужденъ былъ защищать зятя отъ своего сына. *Цезарь* смѣялся надъ такою предосторожностію. „Чего не успѣли сдѣлать въ полдень, сдѣлаемъ къ вечеру“, говорилъ онъ. Раненый уже начиналъ оправляться, когда *Цезарь* неожиданно вбѣжалъ въ его комнату, выгналъ жену и сестру, призвалъ палача и велѣлъ ему удавить несчастнаго принца. Вообще отецъ служилъ Цезарю средствомъ владычествовать; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ вовсе не обращалъ на него никакого вниманія: любимецъ Александровъ, *Пероти*, искалъ защиты подлѣ своего покровителя.—Это нисколько не затруднило *Цезаря*: кровь несчастной жертвы обрызгала лицо Папы. „Весь Римъ и всѣ Папскія владѣнія находились во власти у *Цезаря*“ пишетъ Г. *Ранке*. „*Цезарь* былъ прекрасный мужчина, силенъ такъ, что однимъ ударомъ раздроблялъ голову быка на игрищахъ, даже не совсѣмъ неспособенъ къ великодушію, но сластолюбивъ и кровожаденъ. Римъ трепеталъ его имени: *Цезарь* нуждался въ деньгахъ, имѣлъ враговъ, и — каждую ночь находили на улицахъ по нѣскольку труповъ; жители запирались и притаивались въ домахъ, всякій боялся, чтобы очередь не дошла и до него; съ кѣмъ нельзя было управиться открытою силою, тѣ дѣлались жертвою отравы. Обстоятельства, духъ вѣка и личное положеніе *Цезаря* способствовали ему достигнуть такого *совершенства* въ развратѣ: у Папъ много бывало дѣтей и племянниковъ, многіе покушались итти по той же дорогѣ, по которой шелъ *Цезарь*—никто не заходилъ такъ далеко“. Въ самомъ дѣлѣ, безстыдное презрѣніе всѣхъ законовъ религіи, нравственности и человѣколюбія никогда не доходили до такой степени. Имя *Борджіи*, синонимъ всего ужаснаго, заклеймило вѣкъ Александра: безпрерывное повтореніе

всѣхъ родовъ преступленій уничтожало всякій стыдъ, договоръ не доставлялъ обезпеченія, клятва не внушала довѣренности. Можно-ль было питать уваженіе къ первосвященнику, котораго пороки были такъ явны, такъ гласны, совершаясь на тѣсномъ пространствѣ Италіянскихъ княжествъ? . . . . . . Власть *Александра*, чуждая всякаго нравственнаго основанія, потрясала власть *Папы*: напрасно думали скрѣпить ее кровью: отвратительной колоссъ, утвержденный на пескѣ, долженъ былъ пасть. Венеціане, политики глубокіе, предвидѣли это; вся Италія не могла дождаться того времени, когда громы небеснаго правосудія разразятся надъ тѣмъ, который называлъ себя намѣстникомъ Христа и преемникомъ Апостола Петра. Когда происки Александра изгнали Урбинскаго князя изъ его владѣній, подданные провожали своего владѣтеля до городскихъ воротъ, и говорили ему въ утѣшеніе пророческія слова: „не вѣчно будетъ жить Папа!“

Въ самомъ дѣлѣ, это было какъ будто пророчествомъ: третій годъ XVI столѣтія освободилъ Католическое христіанство отъ первосвященника, который унижалъ собою достоинство Папы. Девять богатѣйшихъ прелатовъ Римскаго Двора посвящены были Александромъ въ Кардиналы. Тогда Его Святѣйшество, по совѣту *Цезаря*, задумалъ умертвить новыхъ кардиналовъ и овладѣть ихъ богатствомъ. Желая отклонить всякую тѣнь подозрѣнія, Папа оказывалъ имъ благосклонность, *Цезарь* также. Наконецъ, Александръ и сынъ его пригласили новыхъ кардиналовъ на ужинъ въ виноградникъ близъ Ватикана; это мѣсто принадлежало одному изъ новыхъ ставленниковъ. Когда всѣ распоряженія были кончены, *Цезарь* принесъ Папскому дворецкому, которому поручено было наблюденіе за столомъ, нѣсколько бутылокъ вина съ ядомъ кантерелле и строжайшимъ приказомъ — подавать это вино только однимъ кардиналамъ. Собрались всѣ; началось угощеніе. Вечеръ былъ знойный; жажда мучила Александра. Атеистъ въ душѣ, Папа вѣрилъ однакожъ предсказаніямъ астрологовъ; одинъ изъ нихъ нѣкогда предсказывалъ ему: „ты не умрешь до тѣхъ поръ, пока не перестанешь носить при себѣ освященный хлѣбъ.“ Въ слѣдствіе такого предреченія, Александръ всегда носилъ съ собою въ золотомъ ящикѣ освященную просфору. Теперь, онъ позабылъ ее дома.

Встревоженный этимъ, Александръ подзываетъ къ себѣ кардинала *Караффу* (будущаго Павла IV) и посылаетъ его принесть изъ Ватикана освященную просфору; а ужинъ проситъ отложить до возвращенія кардинала. Кардиналъ спѣшилъ исполнить повелѣніе Александра. Войдя во дворецъ, *Караффа* увидѣлъ въ комнатахъ Папы призракъ Александра, мертваго, распростертаго на одрѣ *). Испуганный видѣніемъ, *Караффа* долго стоялъ въ оцѣпененіи; потомъ, опомнившись, схватилъ ящикъ съ просфорою и побѣжалъ назадъ. Между тѣмъ, слыша, что ужинъ отложенъ до возвращенія кардинала, дворецкій рѣшился воспользоваться этимъ временемъ и принесть забытые персики для дессерта. Дворецкій удалился; а Папа, томимый жаждою, потребовалъ вина. Помощникъ дворецкаго бросился къ буфету: шесть бутылокъ стояли отдѣльно отъ другихъ; въ умѣ помощника блеснула мысль: должно быть въ нихъ лучшее вино, когда они отдѣлены — вѣрно и назначены для Папы. Полный стаканъ этого вина поднесенъ Александру. Папа взялъ и выпилъ бо̀льшую половину; остальное подалъ сыну. *Цезарь* осушилъ стаканъ . . . Черезъ нѣсколько минутъ, воротились *Караффа* и дворецкій. Александръ пригласилъ сѣсть за столъ; сѣли — вдругъ Папа безъ чувствъ падаетъ на спинку креселъ, страшное терзаніе обезображиваетъ лице сына его . . . Пиръ прерванъ; Александра и Цезаря тотчасъ унесли въ Ватиканъ. Врачи употребили всѣ средства, истощили всѣ пособія; напрасно—противуядія оказались недѣйствительны. Смертныя томленія Папы продолжались нѣсколько дней: 18 Августа 1503 года скончался Александръ VI . . .

Цезарь *Борджіа* выпилъ менѣе; молодость и крѣпость тѣлосложенія помогли медицинѣ: онъ выздоровѣлъ. Но лучше бы для него сойдти въ могилу съ отцомъ; тогда, по-крайней-мѣрѣ, не видѣлъ бы онъ торжества враговъ, которые спѣшили уничтожить его прежнее могущество, силу и величіе. Все погибло невозвратно. Наслѣдникъ Александровъ, Юлій II, скоро избавилъ Италію и себя отъ безпокойнаго *Цезаря*, который не вдругъ хотѣлъ уступить врагамъ, а средства почиталъ всѣ дозволенными. Имѣніемъ *Цезаря* овладѣло новое правительство, и самъ

---

*) Entretiens sur les vies des peintres. *Томази* также упоминаетъ объ этомъ.

онъ отправленъ въ Испанію плѣнникомъ. Италія отдохнула отъ пожаровъ и тайныхъ отравленій, которыми грозилъ ей неутомимый *Цезарь Борджіа*, оставившій потомству имя свое для выраженія всѣхъ злодѣяній. . . .

Юлій II думалъ скрѣпить Папство оружіемъ и политикою. Хитрый, смѣлый, воинственный, Юлій принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ между Испаніей и Франціей. „Прежде не было Барона, который бы не презиралъ Папской власти, говоритъ *Макіавель*, „теперь, напротивъ, и Французскій Король благоговѣетъ предъ нею". Юлій присоединилъ къ Папскимъ владѣніямъ Реджіо, Парму, Піаченцу и простиралъ виды свои на самую Венецію. Но, скрѣпляя свои *владѣнія* оружіемъ и политикою, Юлій II наносилъ удары своему сану, какъ первосвященнику Христову: коварная, своекорыстная политика этого Папы, усиливая могущество его, какъ свѣтскаго владѣтеля, не могла не унижать его во мнѣніи народовъ, когда смотрѣли на него, какъ на главу Христіанства, который долженъ быть образцомъ чистоты духовной. Какъ будто нарочно, цѣлый рядъ Владыкъ Римской церкви поступками своими болѣе и болѣе унижалъ святость своего сана и терялъ права на уваженіе Христіанъ. И въ то время, когда народы Запада готовились расторгнуть цѣпи Ватикана, тіара Папская по-очередно покрывала главы, отягченныя вѣроломствомъ, всѣми чувственными наслажденіями; ее носили Александръ *Борджіа*, потомъ — если не столько отвратительныя, то и не неболѣе почтенныя — головы Юлія II и Льва X. Первый проводилъ жизнь свою среди развратнаго и кровожаднаго Двора своего; второй вѣчно въ шлемѣ съ опущеннымъ забраломъ; третій предаетъ Ватиканъ обновленному язычеству, насаждаетъ если не развратъ, то по-крайней-мѣрѣ чувственныя наслажденія. Блистательная свита Льва X, Кардиналы, поэты, музыканты, воины, льстецы, артисты, были вполовину язычниками: изъ развалинъ древности, подобно свѣтлому метеору, вылетѣла красота языческая; и обратила Христіанскую Европу къ своему служенію. Преклоняясь передъ тѣмъ, который называлъ себя намѣстникомъ Христовымъ, воспѣвали наслажденія чувствъ, разсуждали о матеріализмѣ. Ревностные католики съ негодованіемъ смотрѣли на это, какъ называли они, возстаніе язычества.

Средніяя-времена слушали, изучали древнихъ, удивлялись имъ, покорялись ихъ вліянію, но покорились не такъ прямо, не такъ полно, предались имъ не такъ страстно. Европеецъ среднихъ вѣковъ читалъ древнихъ, видѣлъ въ нихъ краснорѣчивыхъ писателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ—язычниковъ, невѣрныхъ, чуждыхъ общенію истинной церкви. То ли жъ теперь, въ началѣ XVI столѣтія? О, какъ измѣнилась Италія! Что были Арабы за 400 лѣтъ, тѣмъ стали Италіянцы для новой эпохи; Халифа *Мамуна* можно сравнить съ великимъ Герцогомъ Флоренціи *Козьмою Медичи*. Аравитяне, переводя, уничтожали оригиналы; ихъ пламенное воображеніе, чадо азійскаго солнца, запечатлѣло все, къ чему ни прикасались они: расцвѣчая и преобразовывая все по собственнымъ идеямъ, изъ Аристотеля они дѣлали θеоссфа, изъ астрономіи—астрологію, изъ астрологіи—медицину. Чудное поэтическое превращеніе: сказка замѣнила науку Грековъ, фантазія заняла мѣсто наблюденій и опытовъ! Какой яркій, можно сказать безумный свѣтъ игралъ въ этихъ различныхъ системахъ и терялся въ ихъ лабиринтѣ! Что за собраніе самыхъ странныхъ гипотезъ всѣ ихъ *точныя науки*, которыя гораздо справедливѣе бы назвать *не-точными*!—Путь, которому слѣдовали Италіянцы, былъ не такъ смѣлъ и отваженъ, за то вѣрнѣе. Въ Италіи не стали черпать сокровищъ своихъ единственно изъ Греческаго источника; сыны древнихъ Римлянъ Италіянцы совѣщались съ письменами отцовъ. Сообщивъ такое направленіе своему воспитанію, они пришли къ воротамъ Аθинъ черезъ древній Лаціумъ. Изучая, а не мечтая; углубляясь въ размышленія, а не предаваясь фантазіи; насыщаясь знаніемъ дѣйствительнымъ, а не парами восторженной метафизики, фактами, а не гипотезами, Италіянцы начали свое поприще изученіемъ, и этимъ, а не другимъ путемъ хотѣли возвыситься потомъ до поэзіи. Великое явленіе книгопечатанія помогло ихъ усиліямъ: истинный Аристотель вытѣснилъ Аристотеля Арабскаго; боговъ древности увидали лицомъ къ лицу. Неутомимо черпали Италіянцы изъ первыхъ источниковъ: свѣдѣній ботаническихъ начали искать у *Діоскорида*, медицинскихъ у *Гиппократа* и *Галліена*, географическихъ у *Птолемея*; и двигатели мысли человѣческой, эти писатели древности, въ короткое время исполнили свое назначеніе. Арабы сдѣлали изъ нихъ волшебниковъ; для Италіи стали они избавителями;

разумъ свергнулъ тяжелыя цѣпи, которыми угнѣтали его: для Арабовъ расширились только предѣлы міра мечтательнаго, для Италіянцевъ отверзлись врата истины. Для Италіи зацвѣла дивная эпоха творчества.

Врожденная оригинальность соединилась съ изученіемъ превосходныхъ образцовъ древности. Вдохновеніе формы и кротость колорита заимствуется у древнихъ; отблескъ востока играетъ на горизонтѣ; отзвукъ среднихъ вѣковъ, вдалекѣ слышится шумъ ломающихся оружій. Сверкающій глазъ чудовищъ, исполиновъ и привидѣній блеститъ въ темной чащѣ сѣверныхъ лѣсовъ. Въ архитектурѣ, скульптурѣ и живописи чувствуется это двойственное вліяніе: величавая простота древняго искусства украшая бурный порывъ новаго генія, не охлаждаетъ его; отсюда дѣйствіе и противодѣйствіе, разливающія такую гармонію въ энергическихъ созданіяхъ *Микель Анджело*. „Я вскину на воздухъ куполъ Пантеона", говоритъ *Браманте*, какъ будто желая выразить этимъ символомъ душу христіанскую, которая овладѣла мыслію эллинскою и унесла ее въ сферу духа. *Рафаэль* создаетъ фрески, совершенно похожія на фрески Геркуланскія, такъ, что и до сихъ поръ достовѣрно еще не знаютъ, списалъ ли онъ ихъ, или самъ изобрѣлъ. Въ Мадоннахъ XVI столѣтія есть что-то принадлежащее Минервѣ древней. Чувство красоты физической преобладаетъ; душа теряетъ часть своего владычества; полуязыческія искусства разливаются по христіанской Италіи. Одна только трагедія не отзывается этимъ вліяніемъ: драма по необходимости тѣсно соединена съ религіею; искусства пластическія, независимо отъ религіи, могутъ производить образцовыя созданія; но проявленіе театра народнаго возможно только подъ условіемъ одушевленія народа религіею. Подражаніе древнимъ создало и освобожденный Іерусалимъ и „ложи" (loggie) *Рафаэля*; но драмѣ оно могло дать лишь блѣдные, холодные списки, безжизненные слѣпки, бездушныя подражанія одной наружной формѣ. Комедія только перелагала въ разговоры сатиру, и въ этомъ отношеніи была достойною ученицею *Плавта* и *Теренція*. Въ оригинальности изобрѣтенія, въ веселости и свободѣ комическаго выраженія, *Аріостъ* и *Макіавель* мало имѣютъ соперниковъ.

Посмотрите пристальнѣе на дворъ Папы Льва X: тамъ вы увидите борьбу тѣхъ же двухъ началъ: съ одной стороны передъ вами суровое христіанство, религія горести и лишеній; съ другой геній раждающейся древности, муза нѣжная, полная жизни, граціи и благородства. Слѣды Апостоловъ не такъ уже привлекаютъ посѣтителей, какъ признаки рѣзца Фидіева. Церемоніалъ Папскаго дворца остается попрежнему: почтительно цѣлуетъ пришлецъ папскія туфли, этикетъ сохраняется по прежнему во всей строгости; но истиннымъ церемоніймейстеромъ новаго Рима было древнее искусство: оно принимало и ласкало иностранцевъ въ городѣ. Убѣждая первосвященника предпринять крестовый походъ противъ невѣрныхъ, чѣмъ доказываютъ необходимость его? расточаютъ все краснорѣчіе для соглашенія Папы на это святое предпріятіе, имѣя въ виду —*завоевать нѣсколько древнихъ манускриптовъ* и *спасти ихъ отъ погибели*. Главою и покровителемъ этого воскресшаго язычества, былъ Левъ X. Ему посвящалъ *Макіавель* свои творенія; онъ платилъ *Рафаэлю* и умѣлъ цѣнить его; онъ ободрялъ *Аріоста*; онъ улыбаясь, исправлялъ безчинныя комедіи кардиналовъ. Венеціанскій посланникъ оставилъ намъ портретъ этого Папы „онъ ученъ, и любитъ ученыхъ, очень благочестивъ, но больше всего любитъ хорошо пожить.“ E dotto, e amador di dotti, ben religioso, ma vol vivere! И дѣйствительно, этотъ Папа *любилъ* и *умѣлъ* хорошо пожить. Вѣчно его окружали поэты, музыканты, художники, импровизаторы; лѣто проводилъ онъ въ прекрасныхъ виллахъ, наслаждаясь отрадною тѣнію въ окрестностяхъ Рима; охотился, ловилъ рыбу, пѣлъ, читалъ стихи, раздавалъ награды отличнымъ музыкантамъ, всѣмъ кто пріобрѣлъ извѣстность въ искусствѣ. Зимою, Левъ X возвращался въ Римъ, городъ блестящій, многолюдный, богатый, цвѣтущій. По сходству вкусовъ, и Римъ любилъ своего первосвященника, радовался его возвращенію. Мануфактуры въ Римѣ процвѣтали; а богатство праздниковъ напоминало Востокъ. Левъ X казался царемъ изящныхъ искусствъ. Расточительность его должна была раззорить Ватиканъ; но этотъ порокъ, легко прощаемый, представлялся для умовъ свидѣтельствомъ какого то высшаго величія. Забывали, что новый *Гарунъ-Аль-Рашидъ* называлъ себя намѣстникомъ Христа, преемникомъ св. Петра; удерживались отъ укоризнъ его

въ порокахъ, столько сладостныхъ, столько блестящихъ. Когда узнали, что Юлій *Медичи* и молодая жена его пріѣдутъ жить въ Римъ, всѣ кардиналы обрадовались: „слава Богу, пишетъ къ *Медичи* одинъ кардиналъ, намъ не доставало только дамъ при дворѣ, а вотъ наконецъ и онѣ.“

Судьба не измѣнила счастливѣйшему изъ Папъ: послѣднимъ счастіемъ Льва X-го было умереть во время; глаза его закрылись прежде окончанія XVI столѣтія. Вокругъ него уже собирались несчастія, которыя должны были наказать безразсудную расточительность; но эта гроза не отравила конца владычества столь упоительнаго. Ударъ однакожъ былъ нанесенъ; вліяніе эпикурейскихъ идей Римскаго двора уже распространилось на всю Европу. Какія же были слѣдствія? Эти изящныя созданія, эти пороки, эта разгульная образованность, все это испугало сосѣдніе народы. Еслибъ Римъ не былъ главою западно-христіанскаго міра и какъ бы первопрестольнымъ градомъ новаго тевтоно-латинскаго общества, всеобщимъ центромъ образованности и просвѣщенія, наконецъ, еслибъ взоры всѣхъ не были устремлены на него, — зло было бы еще не такъ велико. Но въ Римъ стекались ежегодно со всего католическаго міра честолюбивое духовенство, ученые, свѣтскіе владѣльцы, путешественники, иноки, взросшіе въ суровыхъ правилахъ отшельнической жизни. Много такихъ пришельцовъ было и съ сѣвера. Мысль о лишеніяхъ и горести была такъ тѣсно слита въ умѣ ихъ съ мыслію христіанскою, что они содрогнулись, увидѣвъ вблизи эти наслажденія. Этотъ блескъ ослѣпилъ ихъ, утонченность показалось преступленіемъ; ихъ оскорбляло все: и великолѣпіе мраморныхъ палатъ, и статуи Венеры и Аполлона; и *Овидій* и *Теренцій*, замѣнившіе святыхъ Августина и Бернара; бикардиналы Рима, безнравственнѣе рыцарей Праги и Вѣны! Пришельцы отдаленнаго сѣвера думали, что впали въ бездну погибели, покорились державѣ Антихриста. Какъ? отецъ вѣрныхъ, владыка западнаго христіанства, обожаетъ языческія божества; кардиналы разговариваютъ о любви не хуже *Тибулла*; нагота языческая служитъ образцомъ для ваятелей; атеизмъ возвышаетъ главу свою предъ лицемъ креста; нравы также неистовы какъ и сочиненія! Чумные дни Александра *Борджіа* наконецъ вовсе заразили нравственную атмосферу Рима, и безъ того всегда па-

губную для добродѣтели женщинъ; наружное благочестіе первосвященника не можетъ ослабить этого вліянія, остановить разливъ идей, возникшихъ въ слѣдствіе такого состоянія общества. Самыя смѣлыя ученія процвѣтаютъ въ столицѣ христіанства. *Лютеръ*, пришедши изъ Виттемберга, входитъ въ Римъ, идетъ къ обѣднѣ и дивится проповѣдямъ Римскихъ священниковъ: богохульство исходитъ изъ устъ ихъ; догматы и обряды вѣры потеряли для нихъ высокое и таинственное свое значеніе; шутки стихотворцевъ коснулись наконецъ самыхъ священныхъ догматовъ. „Въ Римѣ — пишутъ современники — кому хочется прослыть за человѣка умнаго, или за человѣка со вкусомъ, тотъ непремѣнно долженъ выдумать хоть какую нибудь порядочную Философскую ересь.“—Присоедините ко всему этому отвратительную продажу индульгенцій, и вы поймете чего должно было ожидать въ будущемъ, какія слѣдствія должны были произойти изъ такого положенія дѣлъ.

Реформа была неизбѣжна: всѣ обстоятельства неудержимо влекли къ ней. Правленіе Александра VI, Юлія II и Льва X довершили ослабленіе Папской власти. Всякій, ктò былъ въ Италіи, возвращаясь на родину, разсказываетъ о разгульной жизни кардиналовъ, ихъ соблазнительныхъ праздникахъ, ученомъ кощунствѣ, безстыдной поэзіи. Слухи объ этомъ распространяются далеко, по всей Европѣ, а въ глазахъ тогдашней Европы малѣйшее изъ этихъ заблужденій казалось тяжкимъ преступленіемъ. И это очень понятно: жизнь, чуждая изящности, пріучаетъ насъ къ неумолимо-строгому сужденію обо всемъ, чтò носитъ на себѣ отпечатокъ утонченной роскоши. Разсказы объ удовольствіяхъ Ватикана, можетъ быть и преувеличенные, заставили содрогнуться Европу; въ самой Италіи начали говорить, что Папа только по одному имени глава христіанства *). Самые ревностные католики негодовали. И, какъ будто нарочно для увеличенія неудовольствій, въ это же время Папа собралъ десятину, для наполненія сокровищъ, расточенныхъ его роскошью.

Разливъ языческихъ идей и искусствъ, конечно, ослаблялъ христіанство; но, впродолженіи XV-ти столѣтій небесное откровеніе глубоко проникло въ душу человѣчества, и теперь — ни какія усилія не могли уже поколебать христіанства: не на одномъ только сѣверѣ, въ самомъ Римѣ, оно вооружилось всею энергіей, и какъ могучій атлетъ возстало противъ эпикуреизма. Въ присутствіи самого Льва X, Графъ *Пикъ-де-Мирандоль* на соборѣ, изобразилъ нравы современниковъ: „Прелатами и священниками, — говорилъ онъ, — овладѣли честолюбіе, сладострастіе и всѣ обольщенія роскоши; для хорошаго стола они готовы жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, расточая самымъ недостойнымъ образомъ имущества бѣдныхъ и церквей.“ Папа не хотѣлъ обращать вниманія на это; но за то многіе духовные, и по большей части талантливые, краснорѣчивые, соединяются для воз-

*) Франческо Веттера; рукопись его отыскалъ Г. Ранке въ Библіотекѣ Корсини.

становленія церкви въ ея первобытномъ состояніи. Они хотятъ лишь обновить католичество, слѣдственно произвесть реформу безъ потрясенія. — *Контарини*, *Садолето*, *Караффа* и нѣкоторые другіе, являются жаркими поборниками этого направленія. Они возстаютъ противу всѣхъ чувственныхъ наслажденій, противъ испорченности нравовъ католическаго духовенства; но скоро, однако жъ, принуждены и сами удалиться: одна только Венеція представляла имъ убѣжище. Этихъ ученыхъ католиковъ не удовлетворяло ни протестантство *Лютера*, ни католичество Льва X. Въ загородныхъ домахъ, выстроенныхъ на terra ferma Венеціанскимъ дворянствомъ, встрѣтили они другихъ изгнанниковъ; тамъ были несчастные Флорентійцы, еще растроганные проповѣдями *Савонароля*. Всѣ они стремились къ умѣренной реформѣ, къ возсозданію очищеннаго католичества; они держались центральнаго, религіознаго единства, но въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ обнаруживали образъ мыслей, совершенно сходный съ *Лютеровымъ*. Къ несчастію, этотъ классъ католическихъ протестантовъ не имѣлъ ни какой силы; они снова пристали къ сторонѣ Папы, когда бурныя явленія протестантства испугали и встревожили ихъ. Чѣмъ больше пріобрѣтали послѣдователей реформаторы Нѣмецкіе, тѣмъ тѣснѣе сжимали ряды свои католики Италіянскіе. Эта партія религіознаго, такъ сказать, посредничества, отступила тихо, шагомъ твердымъ, заключилась въ предѣлахъ церкви католической, и уже не выходила оттуда. Главы ея употребили всю силу разума, весь авторитетъ, всю извѣстность своего имени для укрѣпленія владычества Папы на основаніи, хотя уже тѣсномъ, но все еще величественномъ. Другіе увлеклись потокомъ событій, перешли Альпы, сдѣлались ревностными проповѣдниками протестантства, и погибли на кострахъ инквизиціи; или какъ социніане, погрузились въ ту неизвѣстную глубину разума человѣческаго, гдѣ онъ уже погибаетъ и кончили тѣмъ, что стали проповѣдывать самыя безбожныя ученія. — Напрасны были усилія новаго Папы, *Адріана Утрехтскаго* *) этого почтеннаго старца, добраго, набожнаго, откровеннаго, который самъ призналъ многія заблужденія католичества и хотѣлъ преобразовать церковь, для предупрежденія ре-

*) Съ 9 Января 1522 года по 24 Сентября 1523 года.

формаціи наслѣдственной. По „человѣку не выйти изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ поставитъ его время", говаривалъ *Адріанъ*. Мысль эту вполнѣ можно примѣнить къ его правленію. Онъ стремился къ примиренію реформатовъ съ очищеннымъ католичествомъ; но кратковременность его властвованія и многія постороннія обстоятельства не допустили совершиться имъ предначертанному очищенію католичества; между тѣмъ какъ прямодушное исповѣданіе недостатковъ, послужило реформаторамъ новымъ поводомъ къ сильнѣйшимъ нападкамъ на Западную Церковь. Такимъ образомъ, кроткія добродѣтели и примирительный умъ *Адріана* VI не могли помочь ничему; даже едва осталось въ памяти, что этотъ другъ *Эразма* былъ Папою. Ему наслѣдовалъ *Джуліо Медичи*, родственникъ Льва X, принявшій имя *Климента* VII *).

Если Папу Льва X можно бы назвать счестливѣйшимъ изъ Римскихъ Владыкъ, то *Клименту* приличнѣе всего названіе самаго злополучнѣйшаго. Онъ былъ человѣкъ отличнѣйшій по характеру и нравственности, умѣренный, проницательный; получивъ образованіе въ домѣ просвѣщеннаго *Медичи*, *Климентъ* занимался теоріею и практикою искуствъ, зналъ геометрію, механику, чуждался предразсудковъ и страстей; въ правленіе своего родственника, онъ отличался умными, справедливыми совѣтами. Но, при всей дѣятельности, здравомъ смыслѣ, твердости, всеобщемъ почтеніи, *Климентъ* VII впадалъ изъ ошибки въ ошибку, изъ неудачи въ неудачу: онъ совершенно заблуждался насчетъ Папскаго могущества, и думалъ быть новымъ *Гильдебрантомъ*. Онъ не замѣтилъ, что вся западная Европа была раздѣлена на двѣ враждебныя монархіи: одна страшная по своему пространству и вмѣстѣ ослабленная имъ, Имперія *Карла* V; другая, болѣе способная къ движенію, удобнѣйшая къ управленію, Франція. Искусный политикъ, чувствуя слабость Ватикана, уравновѣсилъ бы двѣ враждебныя силы, и тѣмъ охранилъ бы свои собственныя владѣнія: наблюдая одна другую, готовыя къ взаимной борьбѣ, Испанія и Франція дали бы время вырости Риму;

---

*) Съ 19 Ноября 1523 года по 25 Сентября 1534 года. Въ изчисленіи Папъ ошибкою напечатано 26 Ноября.

не умѣвъ предотвратить бѣдствія, *Климентъ VII* былъ раздавленъ въ борьбѣ исполиновъ: его владѣнія были опустошены иностранными войсками, Римъ взятъ приступомъ, и Папа заплатилъ темницею за ошибки, которыя въ то время были вреднѣе самыхъ преступленій. Свидѣтель расхищенія Рима, *Климентъ VII* принужденъ былъ попеременно жертвовать власти духовной властью свѣтскою, правами *первосвященника* своимъ правамъ какъ *государя*; переходилъ отъ ожесточенія къ уступчивости, и отъ уступчивости къ ожесточенію. Отсутствіе послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ ясно показывало затруднительность его положенія; онъ посылаетъ на Флоренцію ту самую армію, которая разорила Римъ огнемъ и мечомъ, осыпала Папу оскорбленіями; наконецъ, за одно съ Францискомъ I, готовъ соединиться съ протестантами сѣверной Германіи. *Климентъ* умираетъ, и съ смертнаго одра видитъ, что Ватиканъ лишается всей славы, всей значительности: сѣверныя Государства отпали отъ Рима; часть Германіи и Швейцаріи отреклись отъ древняго подданства своего; племянники Папскіе вступили въ жестокую борьбу съ Флоренціею, владычество надъ которою было пріобрѣтено столькими преступленіями и измѣнами. Затруднительное положеніе Папы ободряетъ Императора: *Карлъ V* требуетъ созванія собора. Опять возобновился вопросъ о томъ, чье мнѣніе непогрѣшительно: Папы или Собора, или же, — какъ полагали иные—только единомысленное рѣшеніе и Папы и Собора? Соблазнительное дѣло *Екатерины Аррагонской* еще болѣе поколебало мнѣніе о непогрѣшительности Папскихъ рѣшеній. Англійскій Король *Генрихъ VIII* желалъ развестись съ супругою и просилъ о томъ еще *Юлія* II. Папа отказалъ ему, издавъ на этотъ случай особую буллу. Теперь, *Генрихъ VIII* прибѣгнулъ къ непогрѣшительности *Климента* съ просьбою отмѣнить также—непогрѣшительное рѣшеніе *Юлія* . . . . Между тѣмъ новыя идеи снискивали себѣ съ каждымъ днемъ бо̀льшее число послѣдователей: жаркіе защитники Папской власти, *Кантарини*, *Караффа* (будущій Папа *Павелъ IV*) и многіе другіе, обнаруживали подобный образъ мыслей. Неаполь и Модена особенно отличались такимъ направленіемъ. Три тысячи наставниковъ юношества, приверженцы новыхъ идей, отмѣчены инквизиціею въ кровавыхъ спискахъ . . Съ горестію въ сердцѣ, *Климентъ VII* кончаетъ печальные

дни свои, на шаткомъ уже, почти изломанномъ престолѣ могущаго *Гильдебранта*. . . . .

Но католичество само въ себѣ имѣло еще много жизненныхъ силъ; его внутренняя энергія побѣдоносно сопротивлялась ложной политикѣ Папскаго правительства. Католичество есть средоточіе южныхъ народовъ. Его величественная пышность сливается съ блестящимъ, внѣшнимъ геніемъ жителей Юга. Воспоминанія политеизма никогда совершенно не изгладятся въ странахъ, гдѣ, подъ его покровительствомъ, развилось просвѣщеніе; христіанскую религію принимали тамъ сперва только какъ энергическое обновленіе древней вѣры, чувственное и духовное; католичество развилось въ тѣхъ странахъ, привитое къ религіи язычниковъ. Не то было на Сѣверѣ: тамошніе народы, отъ язычества и варварства, отъ невѣжества и бѣдности, прямо и быстро перешли къ вѣрѣ Христіанской, и образованности, неразлучно съ нею связанной. Народы южные привыкли всегда видѣть роскошь, сладострастіе, изящество и великолѣпіе церемоній; проповѣдники Сѣвера, люди бѣдные, простые, прежде всего учили людей строгимъ добродѣтелямъ и ревности къ вѣрѣ. Богослуженіе у народовъ небогатыхъ по необходимости не было такъ пышно какъ на югѣ; оттого-то, мало пріученные къ блеску церемоній, народы сѣверные никогда не смѣшивали величія Бога съ украшеніями первосвященниковъ. На оборотъ, Югъ Европы не могъ иначе понимать религіи, какъ въ пышности ослѣпительной; по этому, въ реформѣ, которая зародилась въ Германіи и проповѣдывалась въ Англіи, Югъ видѣлъ непріятеля, нападавшаго на собственный геній его. Созваніе Тридентскаго собора доказало, что дѣло шло о борьбѣ Юга съ Сѣверомъ. Соборъ этотъ всего яснѣе обнаружилъ, что Папское владычество, переживъ страшные продолжительные удары, и теперь еще не пало. Неизмѣнно строгія постановленія католичества противились примиренію обѣихъ сторонъ: они-то воздвигли непреодолимую преграду между двумя половинами Европы; они-то изрыли ту бездну, которая совершенно ихъ раздѣлила. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, невидимо-крѣпкія узы, какъ цѣпь неразрушимая, сжали все католичество. Образовался великій союзъ Юга; вокругъ области католицизма вознесся валъ, который сцѣпилъ предѣлы ея и охранялъ ихъ неприкосновенность.

Такъ началось перерожденіе Папскаго могущества: основаніе новому положенію дѣлъ положилъ соборъ Тридентскій; ревностными поборниками новаго порядка явились религіозные ордена, вѣчные ратники, преданные Папѣ. Фанатическіе, ловкіе, они были сильны вѣчною безбрачностію, которая уединяла ихъ отъ интересовъ житейскихъ, мірскихъ; и подъ знаменемъ Рима устремились по всѣмъ направленіямъ, въ намѣреніи — подчинить міръ прежнему духовному его монарху. Почти все великое въ добрѣ и злѣ въ новой исторіи есть твореніе этихъ орденовъ: имъ принадлежатъ и возстановленная инквизиція, и отдаленныя миссіи, и воспитаніе народа. Для совершенія такихъ предпріятій нужны были люди безстрастные, дѣти безъ отцовъ, отцы безъ дѣтей, граждане безъ отечества. И все это нашлось.—Однимъ изъ самыхъ искусныхъ совершителей этого подвига былъ *Лойола*, знаменитый противникъ *Лютера*. Изъ воспламененной головы его вышла коллегія Іезуитовъ, которой долго покорствовалъ міръ. Она была славна и могущественна; обаяніе честолюбія погубило ее: Іезуиты умѣли побѣждать, а не сгибаться. *Ганганелли*, — говоря его собственными словами, краснорѣчивыми и остроумными,—„отрѣзалъ себѣ правую руку, за то, что она была виновна." Въ этомъ случаѣ онъ поступилъ какъ благородный человѣкъ и строгій ученикъ Евангелія; но, уничтоживъ Іезуитскій орденъ, *Ганганелли* лишилъ Папство самой твердой опоры.

Католичество преобразовывалось быстро, но безъ потрясеній.—Съ трудомъ, однако жъ, рѣшились наконецъ Папы отказаться отъ притязаній запоздалаго честолюбія и закоренѣлаго непотизма. Несчастіе свело ихъ съ прежней высоты; оно же и заставило ихъ возвратить древнюю степенность нравовъ: поступки ихъ, мало по малу, начали обнаруживать строгую благопристойность, уваженіе нравственныхъ приличій, словомъ все, что такъ взыскательно требуется отъ главы религіи. Тіара, обезславленная *Борджіемъ*, униженная *Юліемъ* II-мъ и *Львомъ* X-мъ, вновь начала пріобрѣтать народное уваженіе. Впрочемъ, жестокія, опасныя смуты волновали Папство: Франція, среди борьбы двухъ партій, долго колебалась; и потомъ, ея рѣшеніе осталось еще какъ то не полнымъ. По видимому, вліяніе католи-

цизма наконецъ увлекло ее; однако жъ, все-таки не могли тамъ истребить духа протестантства: онъ устоялъ противъ отступничества *Генриха* IV, натиска *Людовика* XIV и такого продолжительнаго, упорнаго сопротивленія, оказаннаго Французскимъ духовенствомъ; и впослѣдствіи буйно проявился этотъ духъ оппозиціонный противъ католицизма, во время Французской революціи.—Римскій дворъ употребилъ всѣ усилія, обнаружилъ величайшую энергію и самое напряженное упорство, для удержанія за собою старинныхъ завоеваній; но не могъ сохранить ихъ всѣ и принужденъ былъ совершенно бросить нѣкоторыя изъ ихъ важнѣйшихъ частей. Даже въ Италію и Испанію проникъ, хотя не такъ незамѣтно, духъ протестантства; онъ противился всѣмъ усиліямъ Папъ и предуготовилъ таинственнымъ бытіемъ своимъ то состояніе, въ которомъ находятся обѣ страны эти въ наше время.

Характеръ Папъ, наслѣдниковъ *Климента* VII, имѣлъ также сильное вліяніе на судьбы Ватикана.—*Павелъ* III, изъ дома *Фарнезе* *), принужденъ былъ слѣдовать политикѣ примирительной, которая одна только была сообразна съ опаснымъ положеніемъ Римскаго двора. Благородные, открытые пріемы этого Папы нравились народу и посланникамъ иноземныхъ дворовъ. Гордый, возвышенный духомъ, онъ старался поднять Папство въ общемъ мнѣніи: предмѣстники его наполняли коллегію Кардиналовъ только ласкателями и угодниками; — *Павелъ* III отличился выборомъ превосходнымъ: Кардинальскую шапку получали при немъ люди замѣчательные, не привязанные къ нему ни выгодами ни родствомъ; наполнивъ же коллегію Кардиналовъ людьми способными, *Павелъ* III всегда съ уваженіемъ принималъ ихъ совѣты. Онъ былъ одаренъ умомъ возвышеннымъ и наблюдательнымъ; но трудный подвигъ предстоялъ ему въ это время; надо было побѣждать протестантовъ, возсоздавать католическое единство, союзить Европу противъ Оттомановъ, являться посредникомъ между Испаніею и Франціею. Къ несчастію, *Павелъ* III былъ *отецъ* и *старикъ*: стремленіе пережить себя, — этотъ бичь Папства,—требовало отъ него владѣній для сына, для внучатъ, брачныхъ союзовъ съ Королевскими домами. *Павелъ* III

*) Павелъ III, съ 13-го Октября 1534 года по 10 Ноября 1549 г.

не могъ избѣгнуть подводнаго камня, объ который разбились его предшественники: у него были незаконнорожденные сыновья; онъ женилъ ихъ также на незаконныхъ дочеряхъ владѣтелей:— честолюбіемъ великимъ и благороднымъ онъ жертвовалъ честолюбію личному, домашнему.

Вступивъ на престолъ, *Павелъ* III поручилъ *Контарини* и другимъ Кардиналамъ составить проэктъ преобразованія Римской церкви и соглашался на многія полезныя измѣненія.—*Лютеръ* бралъ основныя свои положенія изъ ученія католическаго; на нихъ-то и должно было, по мнѣнію *Павла*, опереться для возсоединенія протестантовъ съ Римскою Церковію. *Контарини* съ товарищами прежде всего разсмотрѣли главныя статьи: о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи человѣка, объ отпущеніи грѣховъ. Относительно всего этого они думали одинаково съ *Лютеромъ*; а вопросъ о непогрѣшительности и значеніи Папы предполагали отложить до другаго времени. Такимъ образомъ, затрудненія казались устраненными, и дѣло представлено на разсмотрѣніе Его Святѣйшеству.—Политика Франціи воспрепятствовала ожидаемому соглашенію обѣихъ партій: соперникъ *Карла* V, Король *Францискъ*, полагалъ, и не безъ основанія, что примиреніе протестантовъ съ Римскою Церковью послужитъ къ усиленію Императора, почему всѣми силами старался поддержать въ Римѣ противниковъ умѣренной партіи, и успѣлъ достигнуть желаемой цѣли: положено было вновь пересмотрѣть дѣло. Начались новые споры, и ревностные защитники неизмѣняемости католичества отвергли все, что̀ только сходствовало съ мнѣніями *Лютера*. *Контарини* получилъ прозваніе Римскаго *Меланхтона*, и принужденъ былъ оставить Римъ. Великое дѣло примиренія осталось недовершеннымъ: Папа не оказалъ съ своей стороны никакого содѣйствія. Можетъ быть, онъ и самъ перемѣнилъ мысли, разсмотрѣвъ планъ Игнатія *Лойолы*.

Испанскій дворянинъ, раненый во время Наваррскихъ войнъ, лечится въ богадѣльнѣ, и на досугѣ читаетъ Житія Святыхъ. Легенды Римско-Католическія воспламеняютъ его восторженное воображеніе. Истинный сынъ вѣка преобразованій, онъ даетъ обѣтъ употребить всю жизнь на защиту религіи; а центромъ религіи для него былъ Папа. *Лютеръ* стремится разрушить власть

Римскаго Двора; *Лойола* напрягаетъ всѣ силы, чтобы поддержать и распространить ее. Сначала, онъ самъ впрочемъ не сознавалъ своего назначенія; цѣль его опредѣленно выразилась уже впослѣдствіи. Безпрекословное повиновеніе Папѣ и готовность идти, по первому слову его, на Турковъ, язычниковъ, еретиковъ: два неизмѣнныхъ условія, которыхъ требовалъ *Лойола*, какъ древній рыцарь, отъ вступающихъ въ орденъ Іисусовъ: последователей Іисуса (Іезуитовъ), по его словамъ, должна одушевлять одна мысль—дѣйствовать въ пользу его намѣстника, Римскаго Папы. „У Іезуитовъ, говоритъ Г. *Ранке*, личныя связи, дружба, все что побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, замѣнилось только однимъ слѣпымъ послушаніемъ, безъ разбора предмета и слѣдствій; не позволялось даже искать мѣста выше того, какое кто занималъ. Коадъюторъ изъ свѣтскаго званія не умѣлъ ни читать, ни писать; безъ особаго разрѣшенія, его нельзя было учить. Кто вступалъ въ орденъ, тотъ долженъ отказаться отъ права разсуждать, имѣть свое личное мнѣніе: его обязанность—слѣдовать мнѣніямъ своихъ начальниковъ, слѣпо, безъ разсужденія, какъ автоматъ, какъ орудіе, которое обращается туда, куда хочетъ тотъ, кто его держитъ въ рукѣ; начальники ордена для него должны быть представителями Божественнаго Провидѣнія.“ —Умъ, хитрость, образованіе, уклончивая политика и единство управленія дѣлаютъ Іезуитовъ важнѣйшимъ орудіемъ для новыхъ завоеваній Римскаго двора. Посредствомъ миссій, они распространяются во всей Европѣ и за ея предѣлами, втираются въ духовники къ высшимъ сановникамъ и мало по малу присвоиваютъ себѣ воспитаніе юношества; такимъ образомъ, они пріобрѣтаютъ всѣ средства—дѣйствовать на совѣсть и нравственное убѣжденіе и современниковъ и будущихъ поколѣній. Партія *Караффы* и другихъ защитниковъ Папской власти пріобрѣла въ орденѣ Іезуитовъ ревностныхъ союзниковъ. Умѣренная партія католиковъ просила Соборъ не отвергать ученія объ отпущеніи грѣховъ и нѣкоторыхъ другихъ статей единственно потому только, что они сходны съ ученіемъ *Лютера*; Соборъ отвергнулъ всѣ эти пункты. *Караффа* и *Бургосъ*, принадлежа къ доминиканскому ордену, который завѣдывалъ инквизиціею, потребовали возстановленія этого судилища во всей его силѣ. *Игнатій Лойола* поддержалъ ихъ требованіе особою запискою; Іезуиты считали это одною изъ

6

важнѣйшихъ заслугъ своихъ (praemia caudis). Въ 1542 году явилась булла о возстановленіи инквизиціи. Положено было: a) по дѣламъ вѣры, нимало не медля, производить самые подробные розыски; b) не обращать никакого вниманія на то, что дѣло касается даже свѣтскаго властителя или прелата, и не принимать въ уваженіе ни какаго сана, ни какой власти; c) дѣйствовать строжайшимъ образомъ съ тѣми, которые укрываются подъ чужимъ покровительствомъ, оказывая снисхожденіе только тѣмъ, которые изъявятъ раскаяніе; d) ни подъ какимъ видомъ не терпѣть еретиковъ, особенно Кальвинистовъ *). — Костры запылали въ Италіи; гоненія устрашили всѣхъ, и заставили многихъ отличныхъ ученыхъ бѣжать изъ отечества. Нѣсколько Университетовъ и Академій было закрыто. Еретиковъ, или только подозрѣваемыхъ въ ереси, въ Римѣ сожигали противъ церкви Св. Маріи, въ Венеціи топили въ морѣ. — Въ 1552 году, замѣчаетъ *Ранке*, уничтожено все что могло бы содѣйствовать къ примиренію лютеранизма и кальвинизма съ Римскою церковію.

Соборъ Тридентскій отвергаетъ всякое ученіе, которое клонилось бы къ ограниченію Папской власти; Императоръ *Карлъ V* громитъ протестантовъ; но этотъ двойной успѣхъ приводитъ Папу въ странное положеніе. *Павелъ* III видитъ торжество своего дѣла, и ему кажется, что онъ успѣлъ уже слишкомъ много. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что возбуждая эту войну, онъ утѣшалъ себя надеждою видѣть нѣсколько торжествъ католичества: Папа могъ предполагать, что Императоръ пріобрѣтетъ выгоды, полезныя общему ихъ дѣлу; но такого полнаго торжества для Императора Папа никогда не ожидалъ; никогда не думалъ онъ, чтобы вся Германія могла покориться *Карлу V*. Онъ предвидѣлъ много препятствій и козней; по счастіе, сверхъ всякаго чаянія, услужило оружію католическому. И *Павелъ* III, тотъ, который нѣкогда желалъ торжествъ католическихъ, встревожился излишкомъ успѣха: Папа снова теперь принужденъ подпасть игу Императора-Гвельфа, стариннаго врага своего. . . И онъ же самъ, Папа, далъ Императору всѣ средства для торжества! Союзникъ католическаго Императора, въ глубинѣ своего сердца теперь пламенно желаетъ успѣха Сѣвернымъ простестантамъ;—

*) Біографія Карафы, открытая I-мъ *Ранке*.

истинными союзниками Папы отнынѣ тѣ, которые больше всего боялись возстановленія Папскаго владычества. *Павелъ* III не могъ удержать своей радости, когда узналъ, о побѣдахъ Іоанна-Фридриха надъ Принцемъ Морицемъ. Всѣми силами поддерживалъ онъ въ этой борьбѣ Франциска. „Его Святѣйшеству", писалъ Французскій Посланникъ, „очень пріятно узнать, что *Герцогъ Саксонскій* *) теперь спленъ: онъ полагаетъ, что это удержитъ *общаго врага* **) отъ его дальнѣйшихъ предпріятій. . . По мнѣнію Его Святѣйшества, весьма бы полезно *поддерживать* подъ рукою (*содержать на жалованьи*) *тѣхъ*, которые *сопротивляются* ***) *ему*; онъ говоритъ, что вы, Государь, не можете сдѣлать расходовъ *болѣе полезныхъ*". Это письмо лучше всего показываетъ, на чьей сторонѣ былъ Папа. На сторонѣ ли *Карла* V, Императора-католика, или на сторонѣ его противниковъ, Нѣмецкихъ протестантовъ? . . . Но это не ускользнуло отъ проницательнаго *Карла* V. Въ одномъ письмѣ онъ откровенно говорилъ о политикѣ Римскаго Двора: „Съ самаго начала войны, Его Святѣйшеству хотѣлось поставить насъ въ затруднительное положеніе, и послѣ того бросить". — По Русской пословицѣ, въ этомъ дѣлѣ нашла коса на камень.

Семейное горе отравило послѣдніе дни *Павла* III. Подъ конецъ жизни, онъ открыто предался непотизму: призналъ незаконно-рожденныхъ дѣтей своихъ, и съ нѣжностью отца старался обезпечить ихъ будущую участь. Не смотря на сопротивленіе всей коллегіи кардиналовъ, Папа доставилъ незаконному своему сыну, *Петру Луиджи*, два города, Парму и Піаченцу. Гнусный развратъ и кровавыя буйства его ужаснули Италію, и съ крикомъ ядовитой насмѣшки повсюду разглашены протестантами Германіи. Ученость и глубокія богословскія познанія, не избавили Папу отъ предразсудковъ: глава католичества — вѣрилъ въ Астрологію, и ничего не смѣлъ предпринять, не узнавъ напередъ положеніе звѣздъ. Союзный трактатъ между *Францискомъ* I и *Павломъ* III разсторгнутъ потому, что Папѣ показалась какая-то антипатія между созвѣздіемъ его и созвѣз-

---

*) Протестантъ.

**) Т. е. *Карла* V.

***) Т. е. протестантовъ.

діемъ Короля Французскаго. — Веселый, радостный, явился *Павелъ* III въ совѣтъ кардиналовъ: „Я вопрошалъ звѣзды", вскричалъ Папа, „ихъ положеніе возвѣщаетъ мнѣ окончательное и вѣрное торжество: буря, мнѣ угрожавшая, разсѣется". — И въ тотъ же день получены извѣстія, растерзавшія душу его: чудовище, для котораго онъ пожертвовалъ уваженіемъ всего католическаго міра, *Петръ Луиджи* умерщвленъ въ Піаченцѣ.

Виновникомъ убійства былъ *Карлъ V*. Все приходитъ въ волненіе: Римская чернь хочетъ рѣзать Испанцевъ; *Павелъ* III, взбѣшенный, торопитъ *Франциска* I заключить миръ съ Германскими протестантами и умираетъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, видя несбыточность всѣхъ надеждъ, узнавъ о козняхъ собственнаго семейства и ложныхъ друзей своихъ. . . Смерть примирила Папу съ его противниками: забыты были недостатки, которыми *Павелъ* III омрачилъ конецъ своего царствованія; вспомнили трудность обстоятельствъ, съ которыми онъ долженъ былъ постоянно бороться, и, сообразивъ, что *Павелъ* III вовсе былъ чуждъ многихъ недостатковъ, въ которыхъ упрекали его предшественниковъ,—искренно сожалѣли о кончинѣ Первосвященника.

Что сказать о правленіи *Юлія* III? Его Папство *) было безпечною, сладкою мечтою; оно не ознаменовалось ни какимъ важнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Совершенно противоположный характеромъ воинственному совмѣстнику своему, *Юлій* III, наконецъ, самъ удалился съ политическаго поприща и, выстроивъ себѣ виллу, рѣшился провести жизнь въ спокойномъ уединеніи. — Потомъ избранъ *Марцеллъ* II, бывшій Папою на престолѣ только нѣсколько дней **). Послѣ него, является Кардиналъ *Караффа*, глава поборниковъ ненарушимости владычества Папъ.— Онъ принялъ имя *Павла* IV, и властвовалъ слишкомъ четыре года ***); ему было тогда 79-ть лѣтъ, но юношескій огонь еще сверкалъ въ его выразительныхъ, впалыхъ глазахъ. Восьмидесяти-лѣтній *Григорій*, могучею рукою правилъ кораблемъ Церкви; ему хотѣлъ подражать *Павелъ* IV.

---

*) Съ 8 Февраля 1550 по 23 Марта 1555 года.

**) Марцеллъ II, съ 9 Апрѣля 1555 по 1 Мая того же года, а не Іюня, какъ напечатано въ исчисленіи Папъ.

***) Павелъ IV, съ 23 Мая 1555 года по 18 Августа 1559 года.

Будучи еще Кардиналомъ, онъ глубоко изслѣдовалъ всѣ отрасли администраціи, и когда взялъ посохъ владычный, то могъ вѣрно судить о силахъ и средствахъ Римскаго двора. Энергическаго честолюбія своего новый Папа не хотѣлъ закрывать никакою маскою: „какіе назначите праздники по случаю избранія вашего Святѣйшества?" спросили его. „Сообразныя съ достоинствомъ могущественнаго владѣтеля", отвѣчалъ *Павелъ*. Можно было думать, что вся энергія католичества оживетъ подъ этою страшною рукою, что въ лицѣ *Павла* IV возродится новый *Гильдебрандтъ*.—И у этого почтеннаго старца, твердаго, сильнаго характеромъ, были страсти; а страсти у старика ужасны! Неаполитанецъ, *Павелъ* IV не навидѣлъ Испанцевъ: „Это отребіе земное, гнусное смѣшеніе Жида съ Арабомъ", говорилъ онъ. Фанатикъ Папскаго могущества, *Павелъ* IV никогда не могъ забыть, что Испанско-Императорская армія огнемъ и мечомъ опустошила священный Римъ, и владыку христіанства бросила въ темницу.—Ненависть *Павла* IV къ *Карлу* V, усиленная еще воспоминаніями личныхъ непріятностей, страшно проявилась при первомъ же случаѣ, и ввергнула Папу въ кровавый хаосъ Европейской политики.—Другая страсть *Павла* IV внушена была заботливостью о семействѣ своемъ. Прежде онъ самъ былъ противникомъ непотизма; коллегія Кардиналовъ помнила о сопротивленіи *Караффы* отеческому пристрастію *Павла* III, и съ ужасомъ увидѣли всѣ, что глава кондотьеровъ, буйный племянникъ *Павла* IV, получилъ Кардинальство. Отважный бандитъ ненавидѣлъ Испанію: этого было довольно для дяди, и *Павелъ* IV облекъ племянника неограниченною довѣренностію. Скоро потомъ, *Павелъ* примирился съ двумя другими племянниками, предметомъ ненависти для народа, принялъ участіе въ ихъ дѣлахъ, и овладѣлъ землями *Колонновъ*. Вспыхиваетъ война, и какая! Протестанты бьются за Папу, католики противъ него; самый ревностный католикъ во всей Европѣ, мрачный, фанатическій Герцогъ *Альба*, ведетъ Испанцевъ противъ главы католичества *); защитники Ватикана — лютеране, еретики, на-

*) Осадивъ Папу въ Римѣ, Альба, какъ ревностный католикъ, явился, однако жъ, облобызать туфлю Его Святѣйшества: какой яркій отпечатокъ вѣка! какъ ясно характеризируется этимъ повиновеніе свѣтское и церковное!

рушители постовъ, отвергшіе Римскую литургію. Папа сносится съ *Альбертомъ Бранденбургскимъ*, главою реформатскаго союза, и оканчиваетъ тѣмъ, что въ отчаяніи зоветъ къ себѣ на помощь . . . Султана. Всѣ намѣренія *Павла* IV не удаются, всѣ предпріятія рушатся; но, убѣленный сѣдинами, Первосвященникъ не отчаевается: дряхлый лѣтами, мощный духомъ, онъ ни на шагъ не отступаетъ. Миръ становится ему нуженъ. Ропотъ народа доходитъ до Папы: онъ видитъ, что не имѣетъ нужды въ дикой отвагѣ своихъ племянниковъ, и торжественно отвергаетъ ихъ; раскаяніе тревожитъ душу старца. Есть какое-то величіе въ его признаніи проступковъ своихъ. Въ полной консисторіи говорилъ онъ о преобразованіи Церкви; вдругъ раздался чей-то смѣлый голосъ: „Начни преобразованіе съ самого себя!" И Папа, гордый, высокомѣрный, умолкъ, благородно поникъ головою, нарядилъ строгое изслѣдованіе поведенія преступныхъ племянниковъ, велъ его неослабно и подписалъ осужденіе. Они были изгнаны. — Напрасно искали на лицѣ престарѣлаго первосвященника слѣдовъ печали, оскорбленной гордости; онъ былъ непреклоненъ и спокоенъ, какъ законъ. . . Въ исторіи Папства можно изучать все величіе и всѣ пороки, къ какимъ способна старость, со всѣми возможными особенностями и оттѣнками характеровъ. . . . .

Явный, открытый фанатизмъ *Павла* IV, кажется, возрасталъ вмѣстѣ съ его величавою суровостію. Война съ протестантствомъ была войною на-смерть. Предсѣдательствуя въ инквизиціонномъ судилищѣ, *Павелъ* IV, по суровости характера и ненависти къ протестантству, одобрялъ самыя отвратительныя жестокости, освящалъ своимъ присутствіемъ auto-da-fe, и не упускалъ ничего для утѣсненія протестантства, желая сохранить въ неприкосновенности по крайней мѣрѣ ту часть Папскаго зданія, которая завѣщана ему предшественниками. Постигая однако жъ необходимость исправленія Церкви, онъ старался водворить въ ней порядокъ и доставить ей внѣшнее уваженіе; по этой причинѣ и церковные обряды, никогда не доходили до такой пышности, ни даже при самомъ *Львѣ* X. *Павелъ* IV любилъ украшать храмы; свидѣтельствомъ этого осталась Сикстова Капелла. — На одрѣ смерти, онъ просилъ окружавшихъ его кардиналовъ поддерживать инквизицію и престолъ Римскихъ перво-

священниковъ. — Молчаливый, неприступный, мрачный, *Павелъ* IV не былъ любимъ народомъ; смерть его произвела истинную радость въ народѣ: едва узнали навѣрное, что грозный Папа не существуетъ, чернь напала на инквизиціонный дворецъ въ намѣреніи сжечь его и умертвить инквизиторовъ; статую первосвященника разбили въ куски, и главу, увѣнчанную тіарою, влачили по грязнымъ улицамъ. Продавцы стеклянной посуды долго потомъ не смѣли кричать по улицамъ: bichieri! caraffe! послѣднее слово напоминало Фамилію Папы, *Караффа*: они принуждены были кричать: „bichieri, ampole!" Такъ велико было ожесточеніе черни.

Всѣ ожидали благопріятной перемѣны послѣ кончины *Павла* IV, особенно когда узнали, что этому инквизиціонному монаху, этому страшному, неумолимому старику, избранъ наслѣдникомъ *Пій* IV *). Новый Папа былъ, по видимому, характера кроткаго. Онъ старался пріобрѣсть народность; съ иностранцами обращался благосклонно и вѣжливо; любилъ свѣтскія удовольствія; однако жъ ни какъ не хотѣлъ уничтожить инквизиціи. Самъ онъ лично никогда не присутствовалъ въ ея засѣданіяхъ, говоря: „я не великій богословъ"— странная отговорка для Папы. Впрочемъ, онъ позволилъ ей продолжать казни, устроивать многочисленные костры и рѣкою проливать кровь несчастныхъ жителей Южной Швейцаріи: врожденная жестокость этого Папы совершенно противорѣчила его наружному добродушію. Племянники *Караффы* заплатили жизнію за свои преступленія; даже самъ Кардиналъ *Караффа*, завернувшійся въ багряницу и считавшій себя уже безопаснымъ подъ нею, едва успѣлъ исповѣдаться. Палачь прервалъ его длинное исчисленіе своихъ злодѣяній: „пойдемте, signor, пора, пора". — Но, если *Пія* нельзя укорять запоздалымъ честолюбіемъ, которое погубило столькихъ Папъ; то справедливость требуетъ замѣтить, что *Пій* IV не уничтожилъ непотизмъ, но далъ ему лишь новый характеръ: онъ удовольствовался *только обогащеніемъ* родственниковъ своихъ. Съ того времени родные Папы получали по хорошему дворцу въ Римѣ, и ничего болѣе. *Сербелони* и *Карлъ Борромеи*, возведенные въ кардинальство, не только принесли честь выбору

---

*) Пій IV, съ 26 Декабря 1559 года по 9 Декабря 1565 года.

первосвященника, но и воскресили нравственность и благочестіе въ Италіи. При немъ же закрылся Тридентскій Соборъ, рѣшившій окончательное раздѣленіе Западнаго Христіанства.—Къ двумъ цѣлямъ стремились двѣ партіи на этомъ Соборѣ: одни утверждали полновластіе Римскаго Первосвященника, другіе требовали ограниченія власти его. И ни та ни другая цѣль не была достигнуты. Папа, въ качествѣ рѣшителя соборныхъ постановленій, утвердилъ догматы Вѣры. Протестантство до сихъ поръ искало началъ своихъ въ католичествѣ; Римская церковь отвергла ихъ, и тѣмъ совершенно отдѣлила себя отъ протестантской.—Предѣлы господства Римской церкви, говоритъ Г. *Ранке*, сдѣлались несравненно тѣснѣе: она предала протестантовъ анаѳемѣ и перестала наблюдать за Востокомъ и Западомъ; но чѣмъ тѣснѣе были предѣлы ея владычества, тѣмъ лучше сосредоточивались ея силы для противодѣйствія всякому нападенію.

По смерти *Пія* IV, избранъ Папою фанатикъ еще болѣе пламенный и столько же откровенный, *Пій* V, бывшій долгое время членомъ инквизиціи. „Этотъ Владыка Рима *) былъ человѣкъ религіозный. „Вступивъ на Папскій престолъ“, говоритъ Г. *Ранке*, „*Пій* V по прежнему исполнялъ всѣ строгіе уставы монастырской жизни; съ точностью и примѣрною строгостью наблюдалъ посты; не хотѣлъ одѣваться лучше того какъ одѣвался въ монашествѣ; всякій день присутствовалъ при литургіи и часто самъ служилъ ее. — Но такія благочестивыя занятія не могли отвлекать его отъ дѣлъ государственныхъ; для того онъ вставалъ чрезвычайно рано и не отдыхалъ днемъ. *Пій* часто говаривалъ: „достоинство Папы не мѣшаетъ мнѣ преуспѣвать въ благочестіи; тіара была бы для меня рѣшительно не по силамъ, еслибъ я не подкрѣплялъ себя молитвами“. — Въ самомъ дѣлѣ, онъ приходилъ отъ нихъ въ умиленіе,—часто проливалъ слезы, не переставалъ молиться безъ утѣшительной увѣренности, что онъ услышанъ; молитвы поддерживали Папу до конца его жизни. Въ торжественныхъ процессіяхъ, первосвященникъ обыкновенно ходилъ босыми ногами, съ непокрытою головою; непритворное выраженіе благочестія на лицѣ *Пія*, руки сложенныя на крестъ, длинная бѣлоснѣжная борода, которая

*) Пій V, съ 7 Января 1566 года по 1 Мая 1572 года.

закрывала всю грудь Папы, очаровывали народъ и приводили его въ восторгъ. Говорили, что никогда еще не бывало таковаго благочестиваго Папы, и что одинъ видъ его можетъ обращать еретиковъ. — Но это строгое благочестіе соединено было у него съ такою привѣтливостью, которая покорили ему сердца всѣхъ Римлянъ. — Политическія дѣйствія *Пія V* ознаменованы однако жъ твердостью и неумолимою ненавистью къ врагамъ католичества. Тогда ясно обозначилось положеніе Папства: Испанія при *Филиппѣ* II, была естественною союзницею Рима; Германія, Англія и Сѣверъ—его врагами; Франція еще не приставала рѣшительно ни къ той ни къ другой сторонѣ.—Новый Папа, отважный, непреклонный, суровый и гибкій, подобно *Павлу* IV, ни сколько не имѣлъ той нестерпимой гордости, которая вооружила Римскую чернь противъ послѣдняго.—Стараясь пріобрѣсти любовь народа, проповѣдуя жизнь труженическую, набожность, и собственнымъ примѣромъ показывая образецъ строгаго исполненія обязанностей, подчиняя приходы и монашескіе ордена строгому надзору, *Пій* продолжалъ великую борьбу съ сѣвернымъ союзомъ, упрочивалъ союзъ Венеціи съ Испаніею, и направлялъ противу невѣрныхъ христіанское оружіе, которое должно было увѣнчаться такимъ торжественнымъ успѣхомъ при Лепантѣ. Вообще, *Пій V* показалъ себя умнымъ политикомъ и во многихъ отношеніяхъ отличнымъ человѣкомъ; но къ врагамъ католичества онъ былъ неумолимъ: возжегъ рвеніе Лиги, произвелъ Варооломеевскую ночь, осуждалъ на смерть всѣхъ послѣдователей ученія Лютерова. Ереси онъ не прощалъ ни благороднымъ, ни сильнымъ, ни богатымъ.

Примасъ Испаніи, Толедскій Архіепископъ *Карранга*, пришелъ въ подозрѣніе у инквизиціи. Его потребовали къ суду. „Я старался, напротивъ, искоренять ересь, говорилъ онъ. По моему повелѣнію, задерживали всякаго, кто только уклонятся отъ Римско-католическаго вѣроисповѣданія; мало этого: выкапывали и сожигали тѣла ихъ учителей. Католики и протестанты единогласно дали мнѣ имя защитника вѣры“. Такое оправданіе, однакожъ, не имѣло успѣха; нашли, что въ сочиненіяхъ Архіепископа многія мысли носятъ на себѣ отпечатокъ протестантскаго ученія; и „защитнику вѣры“, произнесенъ въ Римѣ

смертный приговоръ. Свирѣпые поступки намѣстника *Филиппова*, Герцога *Альбы*, противъ Нидерландскихъ еретиковъ были торжественно одобрены *Піемъ V*: въ знакъ особеннаго расположенія къ Испанскому полководцу, глава Римской церкви прислалъ ему освященный мечъ. Желая подкрѣпить католическую партію во Франціи, Римскій Дворъ послалъ туда на помощь своего полководца, *Санта-Фіоре*; Намѣстникъ Бога мира, святѣйшій отецъ, далъ повелѣніе предводителю своихъ войскъ не брать въ плѣнъ ни одного гугенота, но тотчасъ же убивать каждаго, кто только попадется въ руки. Покровительство протестантовъ въ Англіи возбуждало непримѣримую вражду въ сердцѣ *Пія V*. Англичане никогда не простятъ ему громовой буллы противъ *Елисаветы*.—Необыкновенная смѣсь всего, что есть великаго и страшнаго въ религіозномъ убѣжденіи: откровенное благочестіе, непреклонный фанатизмъ, великодушіе и неумолимая жестокость; таковъ былъ *Пій V*; такъ жилъ, такъ и умеръ онъ. Чувствуя приближеніе послѣднихъ минутъ, онъ посѣтилъ церкви, желая „въ послѣдній разъ поклониться святынѣ," и началъ говорить . . . о пожертвованіи всѣхъ своихъ сокровищъ церковныхъ, даже священныхъ сосудовъ, на экспедицію противу Англіи. Послѣдніе скуди были выданы изъ казны Папской: ихъ употребили на возбужденіе Лиги. Ненависть къ Англіи, желаніе уничтожить ее, не оставляли *Пія* до послѣднихъ минутъ. На одрѣ смерти говорилъ онъ: „родится нѣкогда человѣкъ, который совершитъ этотъ подвигъ; родится, хотя бы даже изъ камня надобно было Господу создать такого человѣка."

Григорій XIII, памятный для потомства преобразованіемъ календаря, провелъ почти все время *) въ борьбѣ съ дворянствомъ. Бандиты опустошали государство. Папа думалъ обуздать ихъ, престранною мѣрою: онъ даровалъ имъ совершенное отпущеніе всѣхъ грѣховъ; но тѣмъ только умножилъ безпорядокъ.—*Григорій* XIII самъ ужаснулся, и на одрѣ смерти не видѣлъ *человѣческихъ* средствъ для потушенія бѣдствій. Утомленный бременемъ жизни, добрый, но слабый первосвященникъ возвелъ очи къ Небу, Его призывая на помощь: „Возстани, Господи, и на Сіонѣ яви милость твою!"—Новый Папа, *864Сикстъ*

---

*) Григорій XIII, съ 13 Мая 1572 года по 10 Апрѣля 1585 г.

V еще кардиналомъ вызналъ болѣзнь Рима и, смѣлою рукою схвативъ тіару, доказалъ, что вполнѣ достоинъ ея *). Лицемѣріе онъ употребилъ орудіемъ для достиженія престола; по достигнуть престола хотѣлъ единственно для блага Римской Церкви и своего несчастнаго отечества. Не имѣя ни связей, ни знаменитаго родства, ни богатства, *Перетти* видѣлъ невозможность составить сильную партію, и потому рѣшился дѣйствовать другимъ образомъ. Передъ народомъ, онъ явился ангеломъ-утѣшителемъ во время голода, продавъ свое серебро и раздавая деньги бѣднымъ; передъ кардиналами, которымъ всегда могъ бы казаться опаснымъ по силѣ характера, пылкаго и предпріимчиваго, онъ явился совсѣмъ перерожденнымъ человѣкомъ. *Перетти* надѣлъ на себя маску смиренія и кротости; удалялся отъ почестей и дѣлъ политическихъ, и пятнадцати-лѣтнимъ притворствомъ разогналъ всѣ подозрѣнія въ обманѣ. Силы его съ каждымъ днемъ слабѣли. Зная, что кардиналамъ всегда пріятно избирать въ Папы такого, который по дряхлости поручалъ бы правленіе другимъ и не могъ бы слишкомъ долго заграждать имъ путь къ престолу, *Перетти* довелъ притворство do nec plus ultra: умъ его видимо погасалъ; замѣтили, что кардиналъ уже плохо видитъ, плохо слышитъ. Увѣренные въ глухотѣ добраго *Перетти*, товарищи, при немъ же, величали его *четверо-дневнымъ Лазаремъ и осломъ Марка*.

„Но этотъ поглупѣвшій, полу-слѣпый и оглохшій старикъ болѣе видѣлъ и слышалъ, чѣмъ всѣ члены священнаго коллегіума вмѣстѣ,“ говоритъ Г. *Шевыревъ* **) „Готовясь къ управленію государствомъ, не на болтливыхъ совѣщаніяхъ кардинальскихъ узнавалъ онъ жизнь Рима, состояніе народа, злоупотребленія власти; у него были на то другія средства.“

Слабость *Григорія* XIII и корыстолюбіе его родственниковъ превратили столицу Папъ въ вертепъ бѣдности, разбоя, неправ-

---

*) Сикстъ V, съ 12 Апрѣля 1585 года по 27 Августа 1590 г.

**) Прекрасная характеристика Сикста V, написанная изящнымъ перомъ Г. *Шевырева*, была помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“ на 1833 годъ (т. VI, No 10, отдѣленіе III, стр. 37—76). Въ статьѣ Г. *Шевырева*, равно какъ и у нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ писателей, *Сикстъ* V называется не *Перетти*, а *Монтальто*.

ды и всѣхъ пороковъ.—*Перетти* имѣлъ у себя двухъ вѣрныхъ приверженцевъ изъ духовнаго званія, которые доносили ему все что ни дѣлалось въ городѣ. Съ тою же цѣлію, какъ думаютъ, вызвалъ онъ къ себѣ и племянника, который такъ несчастно кончилъ жизнь свою. Сверхъ того *Перетти* имѣлъ еще два собственныхъ средства. Первымъ было незамѣтное окошко въ его комнатѣ самаго нижняго этажа, выходившее на улицу. Здѣсь, занершись, онъ подслушивалъ все, что говорили между собою прохожіе и замѣчательное вносилъ въ свою памятную книжку.—Но главное, самое сильное, самое вѣрное, самое ужасное средство, было его собственное ухо и право исповѣди. Во время святаго 1575 года, или юбилея, когда Римъ и вся католическая Европа очищали грѣхи свои за цѣлое 25-ти-лѣтіе великими постами, въ тяжкія времена голода и другихъ бѣдствій народныхъ, когда выставлялось въ храмахъ святое причастіе, *Перетти* ходилъ изъ церкви въ церковь, и исповѣдовалъ народъ. Наружно святая, постная жизнь его, кротость характера, щедрость къ бѣднымъ, снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, простое, утѣшительные краснорѣчіе, пріобрѣтали ему сердца народа и множество кающихся. Смиренно затворяясь въ шкафъ исповѣдника, онъ выставлялъ свое ухо въ отверстіе и, для своихъ сокрытыхъ цѣлей, ловилъ минуты покаянія въ развращенномъ народѣ Рима. Здѣсь набожное преступленіе Юга, въ свои чистыя минуты, ввѣряло ему кровавыя тайны. Убійца, разбойникъ, воръ, корыстный судья, покрывавшій ихъ злодѣйства, грѣшная дѣва, злоупотребители власти, слагали у него тяжкое бремя грѣховъ. Здѣсь обличалась передъ нимъ вся жизнь Рима, всѣ интриги ея, злодѣянія, развратъ, всѣ тайныя мысли города. Народъ, простодушный и въ порокахъ, приносилъ всю свою совѣсть, всю нечистоту свою; но не зналъ того, что все, что только ни входило въ это ухо, печатлѣлось въ головѣ будущаго Папы, строгаго карателя виновныхъ. Пятнадцать лѣтъ такой исповѣди должны были обогатить памятныя записки кардинала, готовившагося въ первосвятители, и доставить ему даръ того обвинительнаго всезнанія, которое явилось нѣкимъ чудомъ для народа.

Наступило 12 (н. с.) Апрѣля 1585 года, давно ожиданный день избранія . . . . Голоса читались . . . Чаще всѣхъ упомина-

лось имя *Перетти*, чаще всѣхъ чертилъ онъ въ своей книжкѣ. Еще не кончилось чтеніе голосовъ, еще билеты оставались въ чашѣ, какъ *Монтальто-Перетти* уже видѣлъ, что добыча была въ рукахъ его. Старикъ, Царь своей воли, умерщвлявшій въ себѣ всякое побужденіе страсти и терпѣвшій цѣлыя 15 лѣтъ, не могъ вытерпѣть одной, послѣдней минуты, когда почувствовалъ, что желанная тіара уже коснулась рукъ его. Онъ пересталъ записывать, всталъ съ табурета, посохъ выпалъ изъ его руки . . . Кардиналы оборотились на стукъ: старикъ прямѣлъ станомъ, выросталъ, металъ огненные взгляды на собраніе. Всѣ, изумленные, смотрѣли на чудо превращенія, и не вѣрили глазамъ своимъ. *Фарнези*, духомъ сильнѣйшій, замѣтивъ недоумѣніе, хотѣлъ воспользоваться минутою и воскликнулъ: „остановите чтеніе баловъ: есть ошибка въ голосахъ". — „Нѣтъ!" воскликнулъ *Перетти* громче *Фарнези*: „ошибки нѣтъ, избраніе вѣрно!" Окинувъ всѣхъ однимъ огненнымъ взглядомъ, онъ сразилъ имъ *Фарнези*, и самъ, громкимъ голосомъ крѣпкаго мужа, противъ обычаевъ избранія, возгласилъ *Тебѣ Бога хвалимъ*. — Деканъ могъ остановить его, потому что начинать гимнъ было правомъ Декана; но испытанная воля одного человѣка, въ теченіи полужизни носившаго въ себѣ одну мысль, уже совершала чудо власти надъ безсильными. Пока *Фарнези* не могъ выйти изъ смущенія, всѣ кардиналы начали вторить пѣнію своего нарѣченнаго, и гордый *Фарнези* невольно послѣдовалъ за всѣми. . . . Кардиналы процессіей отправились въ храмъ Св. Петра; скороходы дворцовые несли Папу, сидѣвшаго на тронѣ. Народъ тѣснился въ храмѣ и его притворахъ. Всѣ всматривались въ новаго владыку; всѣ старались узнать въ немъ того дряхлаго, больнаго Кардинала, который ходилъ согнувшись и казался умирающимъ. *Сикстъ V* бодро и прямо возсѣдалъ на тронѣ, и, величаво простирая сильную десницу, неутомимо во всѣ стороны расточалъ благословенія народу. Раздались голоса: „Святый отецъ, дай намъ изобиліе, дай правосудіе, молимъ тебя!"—„Изобиліе будетъ вамъ нашею милостію, громко отвѣчалъ Папа, а правосудіе—Богъ вложилъ намъ въ сердце."

Римляне еще не понимали чуда: Кардиналы понимали его, и нѣкоторые изъ нихъ, въ порывѣ первой смѣлости, напомнили

Папѣ о прежнемъ его смиреніи. Тогда-то онъ далъ имъ знаменитый отвѣтъ, который не только остался историческою пословицею въ устахъ Римскаго народа, но перешелъ и къ другимъ: „Бывши Кардиналомъ, мы ходили согнувшись и смотрѣли въ землю, потому что на ней искали ключей небесныхъ; нашедши ихъ, мы смотримъ въ небо, потому что на землѣ намъ никто уже не нуженъ.“—Еще примѣчательнѣе отвѣтъ *Сикста* своему духовнику. Когда тотъ говорилъ ему, что всѣ при дворѣ удивлялись, какъ въ теченіи столькихъ лѣтъ своего Кардинальства могъ онъ поддерживать лицемѣріе, *Сикстъ* отвѣчалъ: „Скажи тѣмъ, которые удивляются, что на насъ была десница Божественнаго Провидѣнія; что Оно одно дало намъ силу поддерживать лицемѣріе, признавая его въ насъ за добродѣтель, потому что Оно проникло въ наше святое намѣреніе укрѣпить государство Церкви, престолъ Апостольскій, и возвеличить славу Рима. Совѣсть наша спокойна.“—Скоро и Римскій народъ понялъ чудо превращенія, сначала къ своему ужасу, потомъ къ своему счастію. Въ теченіи 13 дней конклава, этого пиршества вольности народной, много новыхъ злодѣяній совершилось въ Римѣ. Преступники въ день избранія Папы имѣли обычай открывать свои злодѣянія и добровольно заключаться въ темницы, въ надеждѣ на милостивый манифестъ, издаваемый въ день вѣнчанія Папы. Двести преступниковъ заключились въ темницу, услышавъ объ избраніи кроткаго и добраго Кардинала *Перетти*, но тщетно потомъ ожидали манифеста отъ *Сикста* V. Онъ не выдалъ его, не смотря на просьбы самихъ Кардиналовъ, сказавъ: „Хочу чтобы народъ мой зналъ, что я призванъ Богомъ на правосудіе, и дамъ ему въ одинъ и тотъ же день два зрѣлища: мое вѣнчаніе и казнь преступниковъ.“

„О многихъ Папахъ живетъ преданіе въ Римскомъ народѣ; но всѣхъ сильнѣе напечатлѣлась память о правосудномъ *Сикстѣ* V: многихъ Государей своихъ чтитъ онъ какъ святыхъ; но въ немъ поклоняется величію души Римлянина,“ пишетъ Г. *Шевырев*ъ. — „До сихъ поръ изъ устъ Римской черни вы услышите, что *Сикстъ* пятый царствовалъ пять лѣтъ, построилъ пять дворцовъ, пять храмовъ, пять улицъ, воздвигъ пять древнихъ обелисковъ, и за всѣмъ этимъ, въ запасной кассѣ Св. Ангела, оставилъ по смерти своей пять милліоновъ скудовъ.“

Въ сравненіи съ кроткимъ, но слабымъ правленіемъ *Григорія* XIII, вѣкъ *Сикста V* былъ жестокимъ, но зато и благотворнымъ для областей Папскихъ. Рѣшительными, твердыми мѣрами, *Никстъ V* усмирилъ бандитовъ и прекратилъ разбои; для развитія промышлености, основалъ нѣсколько фабрикъ и насадилъ цѣлыя рощи тутовыхъ деревьевъ, отчего шелководство значительно распространилось и улучшилось. Памятниками его заботъ объ украшеніи Рима, остались: куполъ на храмѣ Св. Петра, новый водопроводъ и нѣсколько прекрасныхъ зданій въ новомъ вкусѣ. Но эта же самая страсть къ новѣйшей архитектурѣ была причиною разрушенія многихъ замѣчательныхъ остатковъ древности. На колоннахъ Траяна и Антонина, *Сикстъ V* приказалъ поставить изображенія Апостоловъ Петра и Павла; изъ всѣхъ статуй, украшавшихъ нѣкогда храмъ Юпитера Громовержца, оставлена только одна Минерва: у ней замѣнили копье крестомъ, и памятникъ язычества теперь сталъ изображеніемъ генія христіанства. — Пламенное воображеніе *Сикста* создало планъ вырвать гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, и для этого думалъ онъ завоевать Египетъ и Турцію; а для облегченія торговли прорыть перешеекъ Суэцкій. — *Сикстъ V* уважалъ Англійскую Королеву *Елисавету* и Французскаго Короля *Генриха* III; но, какъ глава и защитникъ католичества, Папа не могъ не поддерживать и Герцога *Гиза*, ревностнаго поборника Римской церкви. Во Франціи образовались двѣ партіи: на одной сторонѣ были Протестанты и *Генрихъ* III; на другой — Герцогъ *Гизъ*, *Екатерина Медичи* и всѣ католики; покровителемъ ихъ считался *Сикстъ V*. Убійство Герцога *Гиза* вооружаетъ противъ Короля весь народъ. Генрихъ III падаетъ подъ рукою фанатика—Доминиканца Якова *Клемана*. Глава католической партіи въ Германіи, *Максимиліанъ Баварскій*, въ письмѣ къ матери, изъявилъ живѣйшую радость объ умерщвленіи Французскаго Короля. Испанія, въ лицѣ своего посланника, раздѣляла подобныя чувства. Мысль о повсюдномъ торжествѣ католическихъ партій въ западной Европѣ осѣнила день кончины *Сикста V*, 27 Августа 1590 года. . .

Въ продолженіи одного года и четырехъ мѣсяцевъ трое

Пап̃ъ смѣнились на Римскомъ престолѣ *). 30 Января 1592 года избранъ Папою *Климентъ* VIII, человѣкъ умный, добродѣтельный и благочестивый **). При немъ для Папства открылись новые виды: Брестскіе соборы (1590 — 1596) предавали *Русскую* землю во власть *Климента* VIII. Исполнилось давнишнее желаніе честолюбиваго Рима: граммата 2 Декабря 1594 года признала Папу Владыкою христіанства; отступники отъ Православія обнародовали, 1596 года, *Унію*. . . Іезуиты разлились по Западной Руси. . .

Напрасны были усилія поборниковъ Православія: подкрѣпляемая фанатикомъ католичества, Польскимъ Королемъ *Сигизмундомъ* III, Унія быстро распространялась по Малороссіи. Начались гоненія. Казаки возстаютъ; но ихъ успѣхи временны; и — въ страшныхъ мученіяхъ гибнутъ защитники Православія. Но Польское правительство не даетъ Уніатамъ обѣщанныхъ правъ, стараясь обратить ихъ къ полному католичеству. — Хитро, искусно дѣйствуютъ Іезуиты; издавна они приготовляли народъ къ возстановленію правилъ Флорентійскаго Собора. Но Русское правительство также не дремало: оно постигало виды *Сигизмунда*, и мудрою политикою *Годунова*, въ Москвѣ является Патріархъ всея Руси, (1589), котораго *равнымъ* признали Патріархи Восточные. — Виновникъ учрежденія новаго Патріаршества избирается на царство. Іезуиты рѣшаются воспользоваться обстоятельствами: въ 1604 году является въ Литвѣ мнимый Царевичъ *Димитрій*; съ него берутъ обязательство — ввести въ Россію католичество; онъ самъ отрекается отъ Восточной церкви и поручаетъ себя покровительству *Климента* VIII. Папскій Нунцій *Рангони* представляетъ мнимаго *Димитрія Сигизмунду*, этому фанатику, который уже лишился Швеціи единственно изъ желанія искоренить тамъ лютеранство; ему говорятъ о славѣ быть распространителемъ католичества на всемъ Сѣверѣ, о возможности, при помощи Русскаго Царя, имъ же возведеннаго, возвратить Шведскую корону. *Сигизмундъ* рѣ-

*) Урбанъ VII, съ 15 по 27 Сентября 1590 года; Григорій XIV, съ 5 Декабря 1590 года по 15 Октября 1591 года; Иннокентій IX, съ 30 Октября по 31 Декабря 1591 года.

(**) Климентъ VIII, съ 30 Января 1592 года по 5 Марта 1605 года.

шается помогать изъ подъ руки. Въ Августѣ 1604 года, *Лжедимитрій* явился къ войску, въ сопровожденіи двухъ Іезуитовъ, *Николая Черниковскаго* и *Андрея Лавицкаго*... 13 Апрѣля 1605 года Борисъ внезапно скончался. Черезъ три мѣсяца Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ: измѣна *Басманова* предала ему войско; юный Царь *Феодоръ* свергнутъ съ престола; Патріархъ *Іовъ* низведенъ, на мѣстѣ его *Игнатій*, хитрый Грекъ, получившій отъ *Годунова* Рязанскую Епархію, но передъ прибытіемъ въ Россію жившій въ Римѣ. . .

Будущаго никто не предвидѣлъ; кровавая развязка драмы совершилась уже при наслѣдникахъ *Климента* VIII.

Между тѣмъ какъ обширный планъ Іезуитовъ относительно Восточной Европы, долженъ былъ повергнуть ее къ стопамъ Римскаго Владыки, дѣла на Западѣ также не ускользали изъ вида учениковъ *Лойолы*. Отличаясь ученостью, этотъ орденъ, какъ мы видѣли, присвоилъ себѣ воспитаніе юношества; теперь, при *Климентѣ* VIII, дѣйствовало уже поколѣніе воспитанное въ школѣ Іезуитовъ. Съ издѣтства оно привыкло къ мысли, что Государство есть тѣло церкви, которая поэтому и должна владычествовать надъ нимъ, какъ духъ надъ тѣломъ. Іезуиты старались внушить своимъ послѣдователямъ, что грѣхъ есть умышленное нарушеніе заповѣдей Божіихъ: онъ происходитъ тогда, когда человѣкъ, зная что его поступокъ будетъ противенъ заповѣдямъ Божіимъ, не отказывается отъ своего намѣренія, но приводитъ его въ исполненіе. Отсюда они выводили, что человѣкъ можетъ дѣлать зло, не впадая въ грѣхъ. Но, если отсутствіе сознанія уничтожаетъ грѣховность поступка, по существу своему законопреступнаго; то грѣхъ совершенный съ цѣлію — сдѣлать благо, освящается этимъ благомъ, говорили они. Цѣль должна, по ихъ словамъ, освящать средства: для достиженія полезной цѣли, всѣ средства должны быть позволены, и преступленіемъ должно признавать только то, что оканчивается преступленіемъ же, не принося никакихъ полезныхъ слѣдствій. Если же для доброй цѣли позволяется употреблять всѣ средства, то и клятвопреступленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть дозволено; а такъ какъ тяжесть грѣха условливается степенью сознанія, то наружный обрядъ безъ участія духа, не мо-

8

жетъ считаться дѣйствительно-обязательнымъ; слѣдственно и клятва, данная противу желанія, или не съ полнымъ сознаніемъ по мнѣнію Іезуитовъ, такъ же не дѣйствительна. — Изъ этихъ *основныхъ* началъ развивается цѣлый кодексъ безнравственности, гражданской и политической. Понятно, что, воспитанное въ такихъ правилахъ, юное поколѣніе, не затруднялось ни какимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, изъ которыхъ первою было стремленіе подчинить свѣтскую власть церковной. Въ оправданіи поступковъ своихъ воспитанники Іезуитовъ также не затруднялись: превратное, но искусно-діалектическое перетолкованіе текстовъ священнаго писанія служило имъ важною опорою. Распространенные по всей Европѣ, но крѣпко связанные единствомъ управленія, они могли все предпринять для достиженія *своихъ добрыхъ цѣлей.* Тайный совѣтъ Англійской Королевы *Елисаветы* былъ извѣщенъ, что Іезуиты, находящіеся въ разныхъ странахъ, вступили между собою въ обязательство — изводить еретическихъ Государей. Въ самомъ дѣлѣ, 27 Іезуитскихъ писателей обнаруживаютъ въ своихъ сочиненіяхъ подобный образъ мыслей. Не мудрено, что убійство *Генриха* III (въ 1589 году) было дѣломъ Іезуитовъ. Въ правленіе *Генриха* III, Французское духовенство разрѣшило народъ свой отъ присяги законному Государю, католику, но не гонителю протестантовъ; теперь, когда монархическія идеи стали брать верхъ надъ фанатизмомъ, Сорбонна отвергла прежнее свое ученіе, „потому что оно *не было утверждено Папою*, какъ изобрѣтеніе людей злонамѣренныхъ", хотя корона Французская была на главѣ *Генриха* IV, еретика, еще не примирившагося съ Церковью. Но Іезуиты не думали отказаться отъ своихъ плановъ: не прошло и пяти лѣтъ послѣ убійства *Генриха* III, когда *Жанъ-Шатель* покусился (1594 года) на жизнь Короля-еретика; онъ успѣлъ нанесть рану *Генриху* IV, но былъ схваченъ. При допросѣ, онъ объявилъ, что мысль объ этомъ преступленіи родилась въ немъ по внушенію Іезуитовъ, его наставниковъ. Большинство народа было на сторонѣ Короля; едва защитили Іезуитовъ отъ насилій черни. 22 Декабря, Парламентъ Парижскій повелѣлъ Іезуитамъ удалиться изъ Парижа и другихъ городовъ въ теченіи трехъ дней по объявленіи этого распоряженія. Почти всѣ Парламенты Королевства подтвердили тоже са-

мое. Iезуиты были изгнаны изъ Францiи; но кинжалъ *Равальяка* (1610 г.) едва ли не ими же направленъ на грудь *Генриха* IV.

Климентъ VIII, свидѣтель повсюднаго распространенiя Iезуитовъ въ Европѣ, скончался 5-го Марта 1605 года.—Онъ могъ умереть спокойно, съ надеждами на возвышенiе католичества, особенно послѣ Унiи и появленiя Самозванца въ Россiи; но тучи бѣдствiй уже начали собираться.

Основателемъ ордена Iезуитовъ былъ Испанецъ и потому однимъ пунктомъ ихъ присяги налагалась обязанность, во всѣхъ дѣйствiяхъ стараться наблюдать выгоды Испанiи. Въ правленiе *Филиппа* II между членами Iезуитскаго ордена нашлись недовольные, которые начали дѣйствовать противъ него. Король въ самомъ дѣлѣ не питалъ къ ордену никакого расположенiя, хотя въ душѣ былъ фанатикомъ католицизма: „Вотъ единственное сословiе, котораго я не могу ни понять, ни вызнать его намѣренiй“, говорилъ *Филиппъ*. Зная, что всѣ дѣйствiя ордена сосредоточиваются въ лицѣ его Генерала, онъ желалъ доставить санъ этотъ Испанцу; во-преки его видамъ, тогда Генераломъ былъ *Аквавива*, родомъ Италiянецъ.—Iезуиты наблюдали за дѣйствiями инквизицiи; но и сами также состояли подъ ея надзоромъ. — Между инквизицiею и орденомъ Iезуитовъ начались неудовольствiя: съ обѣихъ сторонъ стали обвинять другъ друга въ преступленiяхъ. Распустили слухъ, что между Iезуитами скрываются еретики. Для рѣшенiя этого дѣла, *Филиппъ* тотчасъ назначилъ *общую конгрегацiю*; а конгрегацiи для Iезуитскихъ Генераловъ были то же что̀ соборы для Папъ. Къ радости *Филиппа* и огорченiю *Аквавивы*, посреди ордена возникли раздоры. *Аквавива* долженъ былъ наконецъ согласиться; впрочемъ, конгрегацiя оправдала его въ отступленiяхъ отъ орденскаго Статута. Однако жъ, по настоянiю *Филиппа*, *Аквавива* принужденъ былъ отмѣнить нѣкоторыя статьи, касавшiяся до инквизицiи и правительства.—Ободренный успѣхомъ, гордый повелитель Испанiи потребовалъ ограниченiя власти Iезуитскихъ старшинъ и постояннаго назначенiя общихъ конгрегацiй. Тогда начались новые споры; дѣло перенесено въ Римъ къ Папѣ, который наконецъ опредѣлилъ: старшинамъ и ректорамъ назначаться на три года, а общимъ конгрегацiямъ собираться черезъ шесть лѣтъ.— Къ большему неудовольствiю Римскаго двора, между самими

членами Iезуитскаго ордена возникли раздоры, которые долго не прекращались, особенно когда нѣкоторые члены захотѣли было соединиться съ орденомъ Доминиканцевъ. Другіе этому воспротивились, во-первыхъ потому, что самъ учредитель Iезуитскаго ордена принадлежалъ къ ордену Св. Ѳомы; а во-вторыхъ потому, что лучшія богословскія каѳедры Доминиканцевъ находились въ Испаніи, которая непріязненно смотрѣла на братство Iисусово. . . Такимъ образомъ, двѣ страны католическія, Испанія и Франція, не приставая къ протестантству, не измѣняя основнымъ догматамъ религіи, возстали противъ Iезуитовъ и властолюбивыхъ намѣреній Римскаго духовенства; явился еще врагъ,—республика Венеціанская.

Хитрые Венеціяне никогда не довѣряли дружбѣ Папъ: они еще не забыли покушеній *Юлія* II и естественно имѣли поводъ къ новымъ опасеніямъ за свою свободу, когда *Климентъ* VIII овладѣлъ Феррарою, *по праву*, очень сомнительному.—Съ наслѣдникомъ *Климента*, *Львомъ* XI у нихъ не могло дойти до сильныхъ распрей, потому что его правленіе продолжалось только двадцать шесть дней *). Когда же Папскую тіару возложили на *Павла* V **); тогда раздоры Венеціянской республики съ Римскимъ Дворомъ достигли высшей степени. Республика постановила для Венеціянскаго духовенства особыя правила и обложила его податью. Iезуиты надѣялись воспротивиться этому; ихъ писатели начали утверждать, что ни духовенство ни власть Папы не подлежатъ свѣтскому суду. Республика также ополчилась ученымъ образомъ: Венеціянецъ *Сарпи* составилъ полный сводъ всѣхъ церковныхъ и государственныхъ уставовъ, на основаніи которыхъ опредѣлилъ границы обѣихъ властей, церковной и свѣтской; показалъ съ точностію, что̀ подлежитъ духовному вѣдомству, а что̀ свѣтскому, и опровергъ всѣ положенія Iезуитовъ. Папа отлучилъ Венецію отъ церкви. Но духовенство республики было на сторонѣ своего правительства: ни одинъ списокъ съ Папской буллы не былъ прочтенъ въ церквахъ Венеціянскихъ, чего и не ожидалъ *Павелъ* V: сопротивленіе со стороны самаго духовенства было новымъ уда-

---

*) Левъ XI, съ 1 по 27 Апрѣля 1605 года.

**) Павелъ V, съ 16 Мая 1605 года по 28 Января 1621 года.

ромъ Папскому могуществу, и этотъ ударъ нанесенъ католиками же, не отвергавшими догматовъ Римской церкви. — „Во всѣхъ земляхъ, гдѣ господствуетъ исповѣданіе Римско-Католическое, пишетъ *Ранке*, уважаютъ память *Сарпи*, какъ побѣдоноснаго защитника догматовъ вѣры, наложившаго на духовенство тѣ узы, которыми обезпечиваются независимость и благосостояніе этихъ земель".—Республика заключила миръ, но Іезуиты были выгнаны изъ ея владѣній. — Примѣръ Венеціи нашелъ послѣдователей и въ другихъ Италіянскихъ государствахъ.

По крайней мѣрѣ *Павла V* утѣшили вѣсти изъ Германіи. — Тамъ представителями реформаціи были Чехи (Богемцы), единоплеменники *Яна Гуся-Гусинецкаго*, и ученика его *Іеронима Пражскаго*. Австрійскій домъ, подкрѣпляемый Баваріею, поддерживалъ Папу, надѣясь черезъ это утвердить свою власть въ Чехіи, и такимъ образомъ избирательное правленіе превратить въ наслѣдственное. Чехи, узнавъ объ избраніи на Императорскій престолъ *Фердинанда II*, объявили его лишеннымъ Королевской Чешской (Богемской) короны и возложили ее на Курфирста - Палатина *Фридриха*, защитника протестантовъ. Сраженіе при Бѣлой-Горѣ, 8 Ноября 1620 года, погубило Чехію и предало ее во власть Австрійцамъ: *Фридрихъ* бѣжалъ. Дѣло протестантовъ казалось уже совершенно проиграннымъ. *Павелъ V* торжествовалъ; упоенный восторгомъ, Римской Дворъ праздновалъ побѣду католиковъ при Бѣлой-Горѣ: одинъ ударъ кончалъ войну; страна богатая, образованная, подпора протестантовъ, дѣлалась съ этой минуты добычею католичества, фанатизма и тиранніи. — „Глубоко было паденіе Чеховъ", пишетъ М. И. *Касторскій*, лично посѣщавшій тѣ страны. „Половину цѣлаго столѣтія продолжалось разрушеніе всѣхъ памятниковъ двухъвѣковаго образованія. Сильные Чешской земли изгнаны, частію казнены; цѣна конфискованнаго имѣнія простиралась до невѣроятной тогда суммы 53 милліоновъ талеровъ. 30,000 фамилій выѣхали изъ отечества: Бранденбургъ, Саксонія, Швейцарія, Голландія, и Семиградская область наводнились цвѣтомъ дворянства, учености и искусствъ Чешскихъ. Въ 1620 году возвратились съ торжествомъ Іезуиты, принять на себя образованіе юношества. . . Содрагаешься, читая голые разсказы лѣтописцевъ о судьбѣ памятниковъ литературы, и спрашиваешь въ недоумѣніи:

неужели родъ человѣческій можетъ иногда совершенно потерять сочувствіе къ умственному образованію? Двадцать первая регула Индекса признала *всѣ книги*, печатанныя въ Чехахъ съ 1414 до 1635 года, еретическими: такъ *произведенія двухъ столѣтій обречены были истребленію*, и приговоръ исполненъ. Всякому извѣстно (говоритъ *Каменскій*, въ 1648 году) какъ обращались съ нашими книгами: Безбожники (zloboři) отобравъ книги, частію сожигали ихъ дома тайно, частію корзинами валяли на рынкахъ, вывозили за городскую стѣну; иныя, по высшему приказанію, прибиты были къ висѣлицамъ и судебнымъ мѣстамъ; послѣ огораживали какое нибудь мѣсто и все сожигали; обыкновенная казнь книгамъ была — огонь. Богемія, лишенная всякой самостоятельности, предана была Римскому духовенству. Кто хочетъ знать, какое ученіе преподавалось тогда, тотъ пусть прочитаетъ Phosphorus septicornis, книгу писанную въ 1673 году Прагскимъ деканомъ *Пешиною*. Усилія учителей были вѣрны; соотечественники *Гуся*, съ благоговѣніемъ падали на колѣна, въ домахъ, на улицахъ, при работѣ, великіе и малые, богатые и бѣдные, при полуденномъ звукѣ колокола, напоминающемъ о молитвѣ. Во всѣхъ общественныхъ, гражданскихъ и судебныхъ дѣлахъ введенъ Нѣмецкій языкъ; Чешской запрещенъ; онъ терпимъ былъ только въ простомъ народѣ; напротивъ, все что имѣло притязаніе на отличіе, говорило по Нѣмецки. Быть Чехомъ стало стыдно." *)

Таковы то были слѣдствія побѣды при Бѣлой-Горѣ. Какъ же было не радоваться въ Римѣ? . . . Но радость *Павла* V была не продолжительна: посреди торжествъ, апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь его, 28-го *Января* 1621 года. Черезъ одиннадцать дней, — 9-го Февраля, на Папскомъ престолѣ возсѣлъ *Григорій* XV. Его правленіе **) ознаменовалось удивительно быстрымъ развитіемъ католичества внѣ Европы: миссіонеры, отправленные въ разныя части свѣта, дѣйствовали очень успѣшно; Іезуиты проникли даже въ Китай, хотя и не могли тамъ удержаться надолго. Въ католическомъ мірѣ Европы

*) Взглядъ на Чешскую литературу, М. *Касторскаго*. (С. П. б. 1838) стр. 5—6; также въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" (1838), въ которомъ помѣщено было сочиненіе Г. *Касторскаго*.

**) Григорій XV, съ 9 Февраля 1621 года по 8 Іюля 1623 года.

царствовала тишина, за которою послѣдовала страшная буря въ правленіе *Урбана*, носившаго Папскую тіару слишкомъ двадцать лѣтъ *). Война запылала въ Германіи съ новою силою. Католическое оружіе на каждомъ шагу пріобрѣтало новые лавры; но эти успѣхи остановлены были хитрою политикою могучаго Кардинала Франціи *Ришельё*. Захвативъ въ свои руки правленіе, оставивъ Королю только тѣнь власти, гордый Кардиналъ не хотѣлъ дѣйствовать сообразно видамъ Папы: не торжество Римскаго двора и Австрійскаго дома, защитника католичества, поставилъ себѣ главною цѣлью геніальный правитель Франціи.— Не какъ католикъ, но какъ Французъ дѣйствовалъ *Ришельё*: Австрійскій Домъ опасенъ для Франціи; пользуясь обстоятельствами, Франція можетъ сдѣлать пріобрѣтенія въ Германіи; вотъ что поставилъ себѣ цѣлію могущественный *Ришельё*; католикъ, онъ сносится съ врагомъ католичества, Густавомъ *Адольфомъ*, съ этимъ геніальнымъ Шведомъ, которому незадолго передъ тѣмъ *Пожарскій* предлагалъ вѣнецъ Россіи **), и который явно старался возбуждать казаковъ противъ католической Польши, обѣщая имъ полное сохраненіе вольностей и религіи, какъ „благороднымъ рыцарямъ, храбрымъ воинамъ, обладателямъ Днѣпра и Чернаго моря, защитникамъ вѣры Греческой" ***). Одинъ полководецъ былъ у *Фердинанда*, и того политика *Ришельё* лишила Австрійской домъ. Густавъ *Адольфъ* громитъ католиковъ; смерть его ненадолго остановила успѣхи протестантскаго оружія. — *Валленштейнъ* гибнетъ и рѣшительное окончаніе борьбы отдаляется: побѣда склоняется то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ, тридцати-лѣтняя война, не смотря на подчиненіе Богеміи Австрійскому Дому и католичеству, не доставила собственно Папскому престолу никакихъ выгодъ. Къ увеличенію горести *Урбана* VIII, внутреннія смятенія истощили казну Римской Церкви; черезъ нѣсколько времени, въ Іюлѣ 1644 г., *Урбанъ* VIII переселился въ вѣчность. Ему наслѣдовалъ *Иннокентій* X.

Десяти-лѣтнее правленіе *Иннокентія* X (1644—1655) ознаменовалось совершеннымъ окончаніемъ губительной войны въ

---

*) Урбанъ VIII, съ 6 Августа 1623 года по 29 Іюля 1644 года.

**) Акты, доставленные въ Археографическую Коммиссію изъ Стокгольмскаго архива. Жур. Министр. Народ. Просвѣщенія, 1841.

***) Исторія Малой Россіи, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, т. I, стр. 203.

западной Европѣ, возстановленіемъ внутренней тишины въ Папскихъ владѣніяхъ и началомъ спора Янсенистовъ съ Iезуитами *). Правила Iезуитскаго ордена, какъ было показано выше, подрывали всякое основаніе нравственности, общественнаго и государственнаго порядка; польза отъ распространенія ученыхъ свѣдѣній, которому они такъ содѣйствовали, была ничтожною въ сравненіи со вредомъ отъ ихъ пагубныхъ правилъ. Епископъ Корнелій *Янсенъ* смѣло сталъ за истину и началъ проповѣдывать ученіе совершенно противоположное: въ основаніе своему ученію онъ положилъ любовь Божію и благодать, спасающую человѣка. Послѣдователи новаго ученія, Янсенисты, перевели Св. Писаніе и напечатали много сочиненій, въ которыхъ рѣшительно опровергли всѣ основные догматы ученія Iезуитовъ и обнаружили ихъ коварство. Противники Янсенистовъ представили Папѣ изложеніе Янсенистскаго ученія въ пяти пунктахъ. *Иннокентій* долго не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло; наконецъ, послѣ многихъ просьбъ, разсмотрѣлъ эти пять пунктовъ и объявилъ, что въ нихъ заключается ученіе еретическое. Янсенисты, однако жъ, протестовали, что въ этихъ пяти пунктахъ не заключается ихъ ученіе, а въ подтвержденіе—сами обнародовали изложеніе своей системы. *Иннокентій* X въ это время скончался и на престолъ Папскій избранъ *Александръ* VII, въ правленіе котораго дочь знаменитаго защитника протестантовъ, Шведская Королева *Христина*, обратилась въ Римско-Католическое вѣроисповѣданіе, и, въ честь Папы, приняла имя *Александры* **). Когда представили *Александру* VII дѣло Янсенистовъ, онъ призналъ, что пять пунктовъ дѣйствительно содержатъ въ себѣ очеркъ ихъ ученія. Янсенисты опять протестовали противъ опредѣленія Папы: они объявили, что приговоръ *Александра* VII о томъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ пять пунктовъ выбраны изъ книги *Янсена*, выходитъ изъ границъ Папской власти, потому что *непогрѣшительность Папы не простирается на сужденія о фактахъ*. Наслѣдникъ *Александра*, *Климентъ* IX ***) кончилъ этотъ споръ, признавъ, что пять пунктовъ дѣйствительно выбраны не изъ сочиненій Янсенистскихъ, хотя вполнѣ подтвердилъ,

*) Иннокентій X, съ 14 Сентября 1644 года по 7 Января 1655 года.

**) Александръ VII, съ 7 Апрѣля 1655 года по 22 Мая 1667 года.

***) Климентъ IX, съ 20 Iюня 1667 года по 9 Декабря 1669 года.

что они заключаютъ въ себѣ ученіе еретическое. Такимъ образомъ Папство сдѣлало еще уступку: мнѣніе непогрѣшимости Папы въ сужденіи о фактахъ—пало.

Новый ударъ Папской власти нанесла опять Франція: *Людовикъ* XIV началъ утверждать, что Король Французскій и духовенство Галликанской церкви не зависятъ отъ власти Папъ; что Соборъ выше Папы, и приговоръ Папъ долженъ условливаться согласіемъ Церкви; если Церковь не соглашается съ рѣшеніемъ Римскаго владыки, то онъ обязанъ отмѣнить приговоръ свой. И все это утверждалъ Государь Католическій! Преемники *Климента* IX-го, правившіе Римскою Церковью въ продолженіи 30-ти лѣтъ *), провели все время въ спорахъ съ могущественнымъ Королемъ Франціи; особенно *Иннокентій* XII поддерживалъ права свои съ большою твердостью. *Климентъ* XI (1700—1721) вмѣшался еще въ споръ о наслѣдствѣ Испанскаго престола, что имѣло также невыгодныя слѣдствія для власти Папъ. Эти обстоятельства наконецъ вынудили *Климента* XI и его наслѣдниковъ *Иннокентія* XIII (1721—1724) и *Бенедикта* XIV (1740—1758) дѣлать безпрерывныя уступки; послѣдній долженъ былъ рѣшительно отказаться отъ правъ на всѣ церковные доходы въ Испаніи **). Главнѣйшая опора Папской власти, орденъ Іезуитовъ, еще оказывалъ сопротивленіе врагамъ своимъ; но быстро клонился къ паденію: ученость, въ которой прежде они не имѣли соперниковъ, начала упадать. Съ развитіемъ образованности, мнѣніе общества относительно Іезуитовъ совершенно измѣнилось; Министры-преобразователи на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи и въ въ Неаполѣ, угадывая общее направленіе вѣка, отвергли ученіе Іезуитовъ; даже самъ *Бенедиктъ* XIV обнаружилъ мнѣніе о необходимости преобразовать Іезуит-

---

*) Климентъ X, съ 29 Апрѣля 1670 года по 22 Іюля 1676 года; Иннокентій XI, съ 21 Сентября 1676 года по 12 Августа 1689 года: Александръ VIII, съ 6 Октября 1689 года по 1 Февраля 1691 года; Иннокентій XII, съ 12 Іюля 1691 по 27 Сентября 1700 года.

**) Въ исчисленіи Папъ жившихъ въ XVIII вѣкѣ вкрались опечатки. Вотъ какъ должно бы быть напечатано: Климентъ XI (1700—1721), Иннокентій XIII (1721—1724), Бенедиктъ XIII (1724—1730), Климентъ XII (1730—1740), Бенедиктъ XIV (1740—1758); имена преемниковъ Бенедикта XIV напечатаны правильно: Климентъ XIII, Климентъ XIV и Пій VI.

скій орденъ. *Климентъ* XIII (1758—1769) взялъ было сторону Іезуитовъ, но не могъ ничего сдѣлать въ ихъ пользу. Имъ приписали покушеніе на жизнь Короля Португальскаго и выгнали ихъ изъ Португаліи. Франція, однако жъ, вступилась за нихъ передъ Португальскимъ правительствомъ. *Людовикъ* XV предложилъ Іезуитскому Генералу *Риччи* назначить Викарія во Францію, требуя только нѣкоторыхъ измѣненій въ Уставѣ ордена. Римъ не имѣлъ въ это время хитраго политика. *Климентъ* XIII и *Риччи* не согласились ни на какія уступки. Sint ut sunt, aut non sint, „*такъ какъ есть*, *или никакъ*", говорилъ недальновидный, хотя и рѣшительный, Генералъ Іезуитскаго ордена. Слѣдствіемъ того было изгнаніе Іезуитовъ изъ Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы. Наконецъ, Посланники дворовъ Парижскаго, Мадритскаго и Неаполитанскаго явились къ Папѣ и потребовали уничтоженія ордена. *Климентъ* XIII назначилъ день для совѣщанія о такомъ важномъ вопросѣ, и накануне этого дня —скончался, 2 Февраля 1769 года. По смерти его, избранъ Папою Кардиналъ *Ганганелли*, подъ именемъ *Климента* XIV (1769—1774). Новый Первосвященникъ видѣлъ невозможность противиться духу времени, и наконецъ рѣшился уничтожить орденъ Іезуитовъ. Такимъ образомъ согласіе Папы уничтожило твердѣйшую опору Папскаго престола: булла *Климента* XIV (1773) положила конецъ существованію знаменитаго учрежденія *Лойолы*.

Власть Рима падала. Смѣлый преобразователь, Императоръ *Іосифъ* II, рѣшился воспользоваться обстоятельствами и выгодами своего положенія, какъ Государя Католическаго. Уничтоживъ 1300 монастырей, онъ запретилъ посылать деньги въ Римъ, объявивъ себя главнымъ администраторомъ свѣтскихъ дѣлъ Церкви. Видя рѣшительныя мѣры *Іосифа* II, новый Папа *Пій* VI вынужденъ былъ предпринять путешествіе въ Вѣну (1782) и согласился уступить Императору право назначать Италіянскихъ Епископовъ. Когда запылала Французская революція, *Пій* VI приступилъ къ союзу противъ республики, которая лишила его Авиньона и Венсена во Франціи. Успѣхи Перваго Консула, *Бонапарте*, заставили *Пія* VI склониться (въ Февралѣ 1797 года) на миръ въ Толентино: Авиньонъ и Венсенъ уступлены Фран-

ціи; Болонья, Феррара и Романія — Цизальпинской республикѣ. Въ Февралѣ слѣдующаго года, Французская Директорія объявила уничтоженными и послѣдніе остатки церковнаго государства: Римъ превращенъ въ республику; *Пій VI* низложенъ съ Папскаго престола (15 Февраля 1798) и отвезенъ плѣнникомъ въ Валансъ, гдѣ и скончался 29 Августа 1799 года.

Между тѣмъ въ Италіи явился непобѣдимый *Суворовъ*. Торжество союзниковъ содѣйствовало возстановленію церковной области. Въ Мартѣ 1800 года, въ Венеціи избранъ Папою Кардиналъ *Кіарамонти*, подъ именемъ *Пія VII*. Возвратившись въ Римъ, благоразумною умѣренностію *Пій VII* надѣялся сохранить мирныя отношенія къ Французской республикѣ и согласился на примиреніе съ Галликанскою Церковью. Этотъ конкордатъ 15 Іюля 1801 года совершенно уничтожилъ власть Папы въ предѣлахъ Франціи. Отъ него потребовали того же и для Цизальпинской республики. Желая все еще сохранить дружелюбныя отношенія къ правителю республики *Бонапарте*, *Пій VII* въ концѣ 1804 года помазалъ его на царство, подъ именемъ *Наполеона*, и тѣмъ призналъ и утвердилъ въ Императорскомъ достоинствѣ. Новый Императоръ потребовалъ наконецъ, чтобы Римскій Первосвященникъ заперъ свои гавани для Британскихъ кораблей и прервалъ всѣ сношенія съ Англіею и Россіею; въ противномъ случаѣ, когда Папа вздумалъ бы отдѣлять свои виды отъ видовъ Франціи, то долженъ отказаться отъ своихъ владѣній, потому что *они подарены Папскому престолу Карломъ Великимъ, повелителемъ Франціи*. *Пій VII* отказался исполнить волю Французскаго Императора, и Французское войско овладѣло Римомъ (1808); Папа насильно увезенъ во Францію. Тамъ онъ жилъ въ Фонтенебло, получая отъ *Наполеона* пенсіонъ. Между тѣмъ декретъ *Наполеона* обнародовалъ *присоединеніе церковнаго государства къ областямъ Франціи*. Власть Папы вся перешла къ *Наполеону*. Несчастный Первосвященникъ и въ плѣну сопротивлялся, долго и упорно, намѣреніямъ притѣснителя; наконецъ согласился, и конкордатомъ 25 Февраля 1813 года объявилъ, что остается во Франціи. Такимъ образомъ отважный полководецъ-геній совершилъ то, о чемъ и подумать не смѣли Государи западной Европы. Паденіе власти *Наполеона* возста-

новило церковную область. Въ 1814 году *Пій* VII возвратился въ свое Государство, обнародовалъ новое законоположеніе, возобновилъ многіе монастыри и возстановилъ Іезуитскій орденъ для воспитанія юношества, инквизицію и другіе духовные ордена, которые вновь быстро распространились по Италіи.

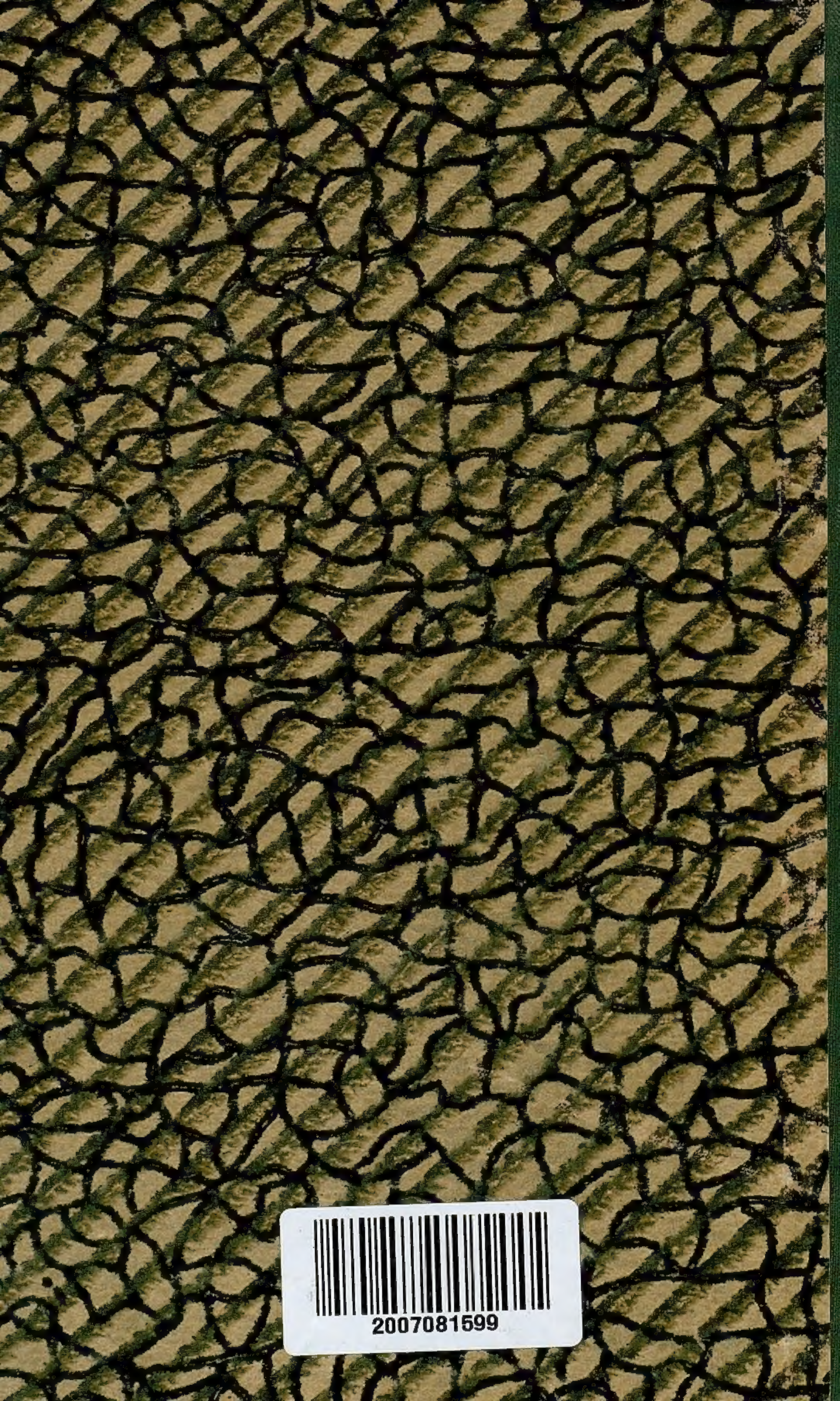
Такими-то чудными, поразительными событіями ознаменовалась исторія Папъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Г. *Ранке*, котораго сочиненіе подало намъ поводъ къ этому обозрѣнію Исторіи новѣйшаго Рима, исключительно занимается исторіею Папъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; впрочемъ, желая представить по возможности полную картину развитія Папской власти въ новѣйшія времена, онъ слегка очертилъ и событія въ XVIII вѣкѣ. Вообще, его сочиненіе есть полное и превосходное изображеніе духовнаго Рима. Какъ историкъ, онъ искусно умѣлъ представить личный характеръ каждаго Первосвященника и оттѣнить каждую эпоху настоящими ея красками; при такомъ обширномъ содержаніи, онъ присоединилъ къ тому все, что̀ только могло пояснить предметъ. Финансовая система Римскаго двора доселѣ не обращала на себя вниманія историковъ; въ исторіи Г. *Ранке* въ первый разъ находимъ любопытныя подробности, не собранныя еще ни однимъ историкомъ, и проливающія новый, яркій свѣтъ на событія того времени. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ жъ такое Исторія безъ этого плодотворнаго сочетанія фактовъ и воззрѣній, статистики и драмы, подробностей и обобщеній?

Долго Римъ расточалъ добровольныя приношенія католическаго христіанства; наконецъ лишился этого неисчерпаемаго источника богатствъ, которыя сыпались на него со всѣхъ концовъ западной Европы. Тогда собственное владѣніе Папъ,—всегдашній неизсякаемый источникъ споровъ, притязаній, вѣчная цѣль завистливой Итальянской политики,—Романья, сдѣлалась для нихъ важнымъ источникомъ силы и независимости. Границы Римскихъ владѣній установились, и не дозволяли болѣе Папству бороться для увеличенія владѣній своихъ; принужденное почерпать всѣ способы изъ самаго себя, оно удвоило свои усилія,—и эти усилія принесли плодъ. Совершилось то, что̀ всегда является, когда воля бываетъ исполнена добра и энергіи: благосостояніе, избытокъ,—дотолѣ неизвѣстныя обитателямъ Романьи,—увеличили ея

народонаселеніе, оплодотворили ея почву, удивили Венеціянскихъ Посланниковъ и заставили ихъ завидовать этой житницѣ Папскихъ владѣній, этому руднику богатствъ Римскаго двора. Хлѣбъ Романьи скоро сталъ необходимъ для продовольствія Неаполя и Франціи. Старинныя муниципальныя преимущества вновь получили прежнюю силу, города, сами избиравшіе себѣ правителей, начали высылать въ море собственные корабли. Между владѣтелями и поселянами установилось нѣкотораго рода патріархальное братство, которое ни сколько не унижало нисшихъ и потому не поселяло въ нихъ ненависти противу высшихъ сословій. Но главною причиною благоденствія Романьи было освобожденіе отъ налоговъ. Другія владѣнія въ Италіи изнемогали подъ гнетомъ огромныхъ налоговъ. Между тѣмъ, пользуясь значительнымъ доходомъ отъ прямыхъ и не прямыхъ приношеній католической Европы, Ватиканъ не требовалъ податей ни съ поселянъ въ своихъ владѣніяхъ, ни съ гражданъ въ столичномъ городѣ. Расточительность *Льва* X, принудила *Адріана Утрехтскаго* наложить на жилье каждаго гражданина подать, впрочемъ весьма умѣренную. Скоро отъ нужды родилась финансовая система, послужившая образцомъ для всей остальной Европы. Ватиканъ сдѣлался колыбелью всѣхъ нашихъ финансовыхъ теорій, займовъ и отвержденныхъ долговъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія Папской казны была продажа должностей. Этимъ скрытнымъ займомъ государство обязывалось ежегодно возвращать, подъ видомъ жалованья, только взятое—уже массою при назначеніи въ должность. Такъ велось издавна; всегда, конечно, ко вреду общества, особенно при расточительности Папъ, которые часто употребляли во зло это опасное для народа средство увеличенія доходовъ казны. Въ 1471 году считалось 650 продажныхъ должностей; онѣ давали доходу 100,000 Римскихъ скуди. Нотаріусы, Прокураторы, Секретари, помощники ихъ, и множество другихъ чиновъ, безпрестанно умножаясь, значительно увеличивали цѣнность буллъ и Папскихъ грамотъ. *Сикстъ* IV образовалъ цѣлыя коллегіи, въ которыхъ должности продавались по 200 скуди. *Александръ* VI для письма Папскихъ грамотъ опредѣлилъ 80 человѣкъ, изъ которыхъ каждый за назначеніе въ должность пла-

тилъ 750 скуди. *Юлій* II присоединилъ къ архиву 100 Секретарей, платившихъ такую же сумму; установилъ еще нѣсколько другихъ должностей, и обезпечилъ ихъ жалованье таможнями и главною казною. Цвѣтущее состояніе земледѣлія внушило мысль основать еще одну коллегію, состоящую изъ 141 предсѣдателя рынка. *Левъ* X истребилъ доходы трехъ Папъ, сокровища, накупленныя *Юліемъ* II, собственные доходы и собранные его преемникомъ; еще неосторожнѣе было установленіе 1,200 новыхъ должностей. *Левъ* X распорядился такъ, что самое назначеніе Кардиналовъ всегда что нибудь приносило ему дохода. Въ его время считалось 2,150 публичныхъ продажныхъ должностей; ежегодная плата, доходившая до 320 скуди, тяжкимъ бременемъ лежала на правительствѣ. *Климентъ* VII, находясь въ чрезвычайно тѣсныхъ обстоятельствахъ, первый вздумалъ *отвердить долгъ*, т. е., сдѣлать его постояннымъ, выдавая по 10 процентовъ. Владѣльцы государственныхъ векселей составляли особенную коллегію. Примѣръ *Адріана* нашелъ послѣдователей въ преемникахъ его власти. — Мало по малу бѣднѣли источники, наполненные набожностію католиковъ; золотой вѣкъ Романьи приходилъ къ концу. Надобно было продолжать начатую борьбу съ протестантствомъ, поддерживать католичество, въ тѣхъ владѣтеляхъ, которыхъ рвеніе начинало уже простывать, и которые, не отрекаясь отъ Папы, предпочитали держать въ собственныхъ сундукахъ деньги своихъ подданныхъ, нежели отсылать ихъ въ Римъ. — Тяжкіе налоги отяготили Романью; скоро она лишилась и послѣднихъ остатковъ благосостоянія и независимости. Затруднительныя обстоятельства поставили Римскій дворъ въ необходимость содержать полицію, многочисленную и дѣятельную. Сверхъ того, надобно было еще давать пособіе католикамъ, выгнаннымъ изъ протестантскихъ владѣній. Государство Римскихъ Первосвященниковъ начало постепенно низпадать до того состоянія, въ какомъ находится оно въ наше время: цвѣтущія поля обратились въ пустыни; климатъ нѣкогда благорастворенный, измѣнился, и на землѣ, прежде столь плодородной, а теперь дурно воздѣланной, почти безплодной, живутъ, или точнѣе — прозябаютъ бѣдные, несчастные потомки воинственныхъ сыновъ древняго Рима. *Н. Савельевъ.*

2007081599